

Содержание

<i>Е. Евтухова.</i> Предисловие	5
---------------------------------------	---

IN MEMORIAM

<i>С. И. Потолов.</i> Дорогой Реджи	12
<i>Л. Энгелстайн.</i> Реджинальд Зелник (8 мая 1936 – 17 мая 2004)	20

I. ИСТОРИЯ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Воскресные школы в России в 1859–1862 гг.	27
К истории выступлений петербургских рабочих: случай на Александровском машиностроительном заводе в 1860 году	52
Народники и рабочие (Первое соприкосновение студентов- народников и промышленных рабочих в Петербурге, 1871–1874 гг.)	67
Русские рабочие и революционное движение	86
Пассивность и протест в Германии и России: Баррингтон Мур о реакции на несправедливость в рабочей среде	107
«Непривычному глазу»: вера и безверие у петербургских рабочих в 1870-е гг.	145

II. БИОГРАФИЯ И МИКРОИСТОРИЯ

Русские Бебелы: Семен Канатчиков и Матвей Фишер	178
Доклассовое сознание: воспитание рабочего-революционера и структура его автобиографии	236
Накануне: о социальных биографиях и социальной идентичности некоторых петербургских рабочих-революционеров в 1870–1905 гг.	256
Законность и беспорядок: взгляд из Эстляндии и Санкт-Петербурга	292

III. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СТАЧКИ

От «die Weber» к «ткачам»: о русском прочтении пьесы Г. Гауптмана «Ткачи»	350
Что такое стачка?	373

IV. БЕРКЛИ И ДВИЖЕНИЕ ЗА СВОБОДУ СЛОВА

Блудные отцы и семейственные дети: репортаж из Беркли	380
Карл Шорске и смутные времена Беркли	386

Предисловие

Вся профессиональная деятельность Реджи Зелника как историка была посвящена изучению Российской империи, и в частности, истории рабочих и рабочего движения в России. В настоящем сборнике мы стремились представить русскому читателю интеллектуальную эволюцию Р. Зелника сквозь призму его статей, публиковавшихся в различных англоязычных научных журналах на протяжении всей его профессиональной жизни. Одной из примечательных черт его работ является то, что хотя их предметом всегда была Россия, методология, которой он пользовался в своих исследованиях русского материала, шла в ногу с развитием методологии и историографии на Западе, в особенности в Соединенных Штатах. Результатом явился как уникальный подход к русской истории, так и особая проницательность, с которой он подходил к работам советских историков, предмет которых был близок его собственному. Предлагаемое издание стремится показать ключевые фазы эволюции Зелника как историка, представить различные темы и подходы, отразившиеся в его работах, и то, как изменялась его перспектива по отношению к русским рабочим, неизменно остававшихся в фокусе его исследований.

1960–1970-е гг. были временем подъема в изучении истории английского и американского рабочего движения. Э. П. Томпсону, исследование которого «Формирование рабочего класса в Англии» (*The Making of the English Working Class*, 1964) имело широкое влияние, а также таким авторам, как Юджин Дженовезе, Герберт Гутман, Леон Литвак и др., удалось свергнуть «магистральное» направление в историографии с

олимпийских высот политики и дипломатии и сосредоточить внимание на таких вопросах, как веки классового формирования, рабочее законодательство, история забастовок и права рабочего. Историки рабочего движения часто пользовались марксистскими рамками в применении к предмету своего исследования. Книга Р. Зелника «Труд и общество в царской России: фабричные рабочие Петербурга, 1855–1870» (*The Labor and Society in Tsarist Russia: the Factory Workers of St. Petersburg, 1855–1870*, 1971), была задумана и написана в этом контексте. В то время это была единственная книга, в которой русское рабочее движение рассматривалось в такой перспективе.

Как можно судить уже из того факта, что труд Р. Зелника посвящен сравнительно раннему периоду, в центре его внимания были не столько процессы, подготавливавшие русскую революцию или революции, сколько внутренний механизм самого рабочего движения и его место в более широких процессах русской истории XIX в. Эта фаза научной деятельности Р. Зелника, связанная с рабочим движением, представлена в сборнике четырьмя статьями, две из которых (о воскресных школах и об Александровском машиностроительном заводе) вошли также в качестве отдельных глав в его книгу. Во всех этих работах особое внимание обращается на взаимодействие интеллигенции и рабочих: на то, как конкретно проникали активисты из числа народников и социал-демократов в рабочую среду, и насколько успешны были их усилия возбудить чувство недовольства и сформировать требования рабочих. Несколькими годами позднее Р. Зелник вернется к предмету своих ранних работ в статье «Непривычному глазу», но рассмотрит его в новом ключе: ее фокусом станут религиозные верования рабочих и то, в какой степени они оказывали влияние (положительное либо отрицательное) на их политическую программу действий.

Уже в рамках работ по истории рабочего движения постепенно формировался новый подход. Особенно важной в этом отношении редакторам сборника представляется обширная и в высшей степени пронизательная рецензия на книгу американского социолога Баррингтона Мура «Несправедливость: социальные основы послушания и бунта» (*Injustice: the Social Bases of Obedience and Revolt*, 1978). Мур, чьи работы оказали глубокое влияние на формирование социологической мысли в Америке в 1970-е гг., послужил Р. Зелнику трамплином для формулирования его собственных мыслей об истории вообще и русской истории в особенности. В рецензии Р. Зелник отчетливо обозначил некоторые из тем, получивших более имплицитное выражение в его конкретных исследованиях этого и последующих периодов, таких, как необходи-

мость нюансировать социологические категории с точки зрения индивидуального опыта; глубокая укорененность чувства протеста и мятежа в самоощущении угнетенных слоев общества; интерес к изучению взаимодействия между «привилегированными» и «подчиненными» социальными группами. Замечательны здесь, как и во всех других работах Р. Зелника, его глубокое знание и свободное владение теоретическими категориями и научным языком, источником которых служит марксизм, с одной стороны, и психология, с другой. (Стоит, пожалуй, заметить, что «примирение» Маркса с Фрейдом было популярной темой университетской жизни в Америке в 1970-е гг.) Тем не менее, Р. Зелник испытывает глубокое недоверие ко всему, кроме абсолютно конкретного, так что только интимно осознанный исторический опыт может предоставлять материал для ответов на вопросы, заданные теорией.

В конце 1970-х, 1980-е и в начале 1990-х гг. фокус исследований Р. Зелника переместился с «рабочего движения» как социального феномена к индивидуальным биографиям рабочих, в согласии с его тезисом о том, что «трудно уложить жизнь отдельной личности (не говоря уже о целом сегменте общества) в рамки четко очерченной социальной типологии»¹. Переведенные Р. Зелником на английский язык мемуары Семена Канатчикова, рабочего, сделавшегося радикальным политическим активистом, вместе с его важной вводной статьей, завоевали огромную популярность в качестве материала к курсам русской и европейской истории в Соединенных Штатах.

Усилия Р. Зелника преодолеть абстрактные социологические категории и, тем самым, вырваться из плена банальностей марксистско-ленинских версий истории рабочего класса в России представлены в сборнике некоторыми из его наиболее влиятельных статей. Мы знакомимся в них с жизнью и судьбой Семена Канатчикова, Матвея Фишера, Василия Герасимова, Диомида Александрова, Виллема Прейсмана, Петра Моисеенко, Петра Алексева, Семена Волкова, Дмитрия Смирнова, Виктора Обнорского, Степана Халтурина. Даже в случаях самых знаменитых (и прославленных в советском каноне) революционеров Р. Зелник решительно порывает с героическим повествованием, чтобы проникнуть в историю жизни личности, показать личные выборы, влияние семьи и раннего опыта, применяя с этой целью, со свойственной ему деликатностью, методы, заимствованные из областей психологии и

¹ *Zelnik Reginald E. Introduction: Kanatchikov's Story of My Life as Document and Literature // A Radical Worker in Tsarist Russia: the Autobiography of Semen Ivanovich Kanatchikov. Stanford, 1986. P. XXI-XXII.*

психотерапии. И в этом случае, индивидуальные истории становятся средством проверки и оценки теоретических построений (таких, как введенное Г. В. Плехановым различие между «фабричными» и «заводскими» рабочими), делая проблематичным тезис о неизбежности радикализации рабочих. Любопытный поворот этой темы представлен в сравнительно недавнем опыте микроистории, статье «Законность и беспорядок» (публикуемой впервые по тексту доклада на конференции, положенного в основу книги под тем же названием), в которой Р. Зелник помещает героев своих более ранних исследований в предельно конкретизированный исторический контекст, реконструируя в почти болезненно ощутимых деталях динамику власти и личные взаимоотношения в связи со стачкой на Кренгольмской текстильной мануфактуре. Интересным образом Р. Зелник приходит к заключению, что регуляционные механизмы, как они проявлялись во взаимоотношениях, сложившихся между губернатором, инстанциями имперской власти в Петербурге, владельцем фабрики и различными группировками рабочих, функционировали более или менее успешно, хотя и в довольно хаотической и непредсказуемой манере. Р. Зелник и здесь поверяет конкретными фактами теорию, в этом случае — концепцию законности, понимаемой как средство сохранения порядка в большей степени, чем как средство защиты прав личности.

В последние годы Р. Зелник приступил к новому широкомасштабному научному проекту. Одним из источников для него послужила идея (к сожалению, оставшаяся нереализованной) конструкции истории понятий (*Begriffsgeschichte*) в применении к русской истории. Исходя из этой идеи, Р. Зелник стал работать над исследованием концепции забастовки в Европе в целом и, в частности, во Франции, Германии и России. Его работа в этом направлении представлена здесь в заметках к выступлению в Калифорнийском университете (Лос-Анджелес) в 1999 г. Она корреспондирует с другой недавней статьей, в которой Р. Зелник рассмотрел политический потенциал и использование в пропагандистских целях пьесы Герхардта Гауптмана «Ткачи» в ее русской рецепции.

В статье, заключающей настоящий сборник, Р. Зелник говорит об историке Карле Шорске: «Было бы ошибкой считать, что политика и наука были двумя разделенными сферами, в которых Шорске двигался параллельным курсом». То же можно сказать и о самом Р. Зелнике. Он был как нельзя более далек от провербиального кабинетного философа, беспристрастно созерцающего мир из своего герметического окружения. Зелник-ученый и педагог всегда был активно вовлечен в политический процесс. Наивысший момент его политической ангажированности

пришелся на 1960-е гг., когда он только что был принят на работу в качестве ассистента (Assistant Professor) в Калифорнийский университет в Беркли, — время, совпавшее с кульминационной точкой движения протеста в университетах Америки. Р. Зелник стал одним из наиболее активных членов младшего преподавательского состава. В его последней книге о Движении за свободу слова (Free Speech Movement), опубликованной в 2002 г., в которой Р. Зелник выступает соредактором совместно с Робертом Коэном, собраны воедино различные документы и рассказы о берклийском политическом движении того времени. Нам казалось важным дать русскому читателю представление о Р. Зелнике не только как историке России, но и как политическом активисте, в рамках университетской политики, в его собственной стране. Беркли был эпицентром протеста, местом, где родилось Движение за свободу слова. «Блудные отцы и семейственные дети» — это своего рода «фронтальной репортаж», тогда как эссе, посвященное К. Шорске, вносит более рефлексивную перспективу во взгляде на события бурных 1960-х гг. в Беркли, имевшие общенациональный резонанс.

Предлагаемый том явился результатом совместных усилий друзей и коллег Реджи среди историков России в Америке и в Институте истории РАН в Санкт-Петербурге. Прежде всего, мы хотели бы выразить благодарность переводчикам сборника Дарье Хитровой и Кириллу Осповату. Славистический центр Калифорнийского университета (Беркли) оказал первоначальную финансовую поддержку проекта. Блэр Рубл, Марк Стейнберг, Лора Энгелстайн, Бен Нейтанс, Борис Гаспаров, Давид Шнир (при посредстве Центра иудаистики Денверского университета), Ричард Стайтс, Сюзан Моррисси, Гленис Янг, Моше Левин, Луиз Макрейнолдс, Дебора Ялен, Абрахам Ашер, Ян Плампер, Тони Свифт, Лиза Уолкер, Тед Уикс, Ричард Уортман, Гириш Бхат, Боб Джераси, Ирина Паперно, Аббот Глисон, Юрий Слезкин, Дэн Орловски, Билл Годд, Анатолий Шмелев, Эдриен Эдгар, Кэтлин Смит, Элеонори Гилберд, Билл Розенберг, Алфред Рибер, Дэвид Вольф и Катрин Евтухов поддержали издание личными пожертвованиями. Помощь в отборе статей оказала Сюзан Моррисси, в редактировании переводов — Борис Гаспаров; Рита Гунтер, Антон Федяшин и Анита Кондояниди сверили цитаты с русскими оригиналами.

Мы бы хотели выразить особую благодарность Татьяне Шор, за проверку цитат из документов Эстонского исторического архива в Тарту.

Большинство статей сборника печатается по публикациям в различных англоязычных журналах:

- «The Sunday-School Movement in Russia, 1859–1862», *Journal of Modern History* 37:2 (1965). P. 151–170. Copyright © The University of Chicago Press.
- «An Early Case of Labor Protest in St. Petersburg: the Aleksandrovsk Machine Works in 1860», *Slavic Review* 24:3 (Sept., 1965). P. 507–520. Copyright © The American Association for the Advancement of Slavic Studies.
- «Populists and Workers. The First Encounter between Populist Students and Industrial Workers in St. Petersburg, 1871–1874», *Soviet Studies* 24:2 (Oct., 1972). P. 251–269. Copyright © Taylor & Francis Group, Ltd. (www.tandf.co.uk/journals).
- «Russian Workers and the Revolutionary Movement», *Journal of Social History* 6:2 (Winter 1972/73). P. 214–236. Copyright © Peter N. Stearns for the Journal of Social History.
- «Passivity and Protest in Germany and Russia: Barrington Moore's Conception of Working-Class Responses to Injustice», *Journal of Social History* 15:3 (Spring 1982). P. 485–512. Copyright © Peter N. Stearns for the Journal of Social History.
- «“To the Unaccustomed Eye”: Religion and Irreligion in the Experience of St. Petersburg Workers in the 1870s», in Robert Hughes & Irina Paperno (eds.), *Christianity and the Eastern Slavs*, vol. 2, *Russian Culture in Modern Times* (1994). P. 49–82. Copyright © The Regents of the University of California.
- «Russian Bebel: an Introduction to the Memoirs of the Russian Workers Semen Kanatchikov and Matvei Fisher», *Russian Review* 35:3-4 (July & Oct., 1976). P. 249–289, 417–447. Copyright © The Editors and Board of Trustees of the Russian Review.
- «Before Class: the Fostering of a Worker Revolutionary, the Construction of his Memoir», *Russian History* 20:1-4 (1993). P. 61–80. Copyright © Charles Schlacks for Russian History.

- «On the Eve: Life Histories and Identities of Some Revolutionary Workers, 1870–1905», in Lewis Siegelbaum and Ronald Suny (eds.), *Making Workers Soviet*. P. 27–65. Copyright © 1994 by Cornell University.
- «Law and Disorder: Views from Estland and St. Petersburg, 1872» (1993), published with the permission of Elaine Zelnik.
- «Weber into *Tkachi*: On a Russian Reading of Gerhart Hauptmann’s Play *The Weavers*», in Laura Engelstein and Stephanie Sandler (eds.), *Self and Story in Russian History*. P. 190–217. Copyright © 2000 by Cornell University.
- «What is a Strike? The Evolution of a Concept» (1999), published with the permission of Elaine Zelnik.
- «Prodigal Fathers and Existential Sons: A Report from Berkeley», *Dissent* (May–June, 1966). P. 285–289. Copyright © *Dissent Magazine*.
- «Carl Schorske and Berkeley’s Time of Troubles», *Chronicle of the University of California* 5 (Spring 2002). P. 41–52. Copyright © Reginald Zelnik.

Русские переводы печатаются с разрешения издателей. Все без исключения редакторы журналов любезно отказались от какой-либо компенсации, обычно связанной с такого рода публикациями.

Статьи «Законность и беспорядок» (сокращенная версия одноименной книги, вышедшей в 1995 г., первоначально — доклад на конференции) и «Что такое стачка?» публикуются впервые, с разрешения Элейн Зелник.

Е. Евтухова

Санкт-Петербург,
декабрь 2006 г.

IN MEMORIAM

С. И. Потолов

Дорогой Реджи

Замечательно, что к 70-летию со дня рождения нашего дорогого друга и коллеги, безвременно покинувшего нас, профессора Реджинальда Зелника (1936–2004) подготовлен большой сборник его избранных статей, в переводе с английского, опубликованных в американских научных журналах, как правило, малоизвестных российскому читателю — огромное спасибо составителям, ученикам и друзьям Реджи. Мы получили возможность проникнуть в лабораторию творческих исканий замечательного исследователя, одного из основоположников современной американской русистики, блистательного историка дел и судеб российских рабочих и интеллигенции.

Мы хорошо знаем книги Р. Зелника, прежде всего, — его опубликованную в 1971 г. в издательстве Стэнфордского университета докторскую диссертацию — фундаментальную книгу «Труд и общество в царской России: фабричные рабочие Санкт-Петербурга. 1855–1870»¹, которую он посвятил своей жене и другу — Элейн. Это в подлинном смысле новаторское исследование, не потерявшее свое значение и сегодня. Р. Зелник был одним из немногих зарубежных историков, получивших доступ в советские архивы и использовавших архивные источники из нынешних главных российских архивов: РГИА и ЦГИА СПб в С.-Петербурге, ГАРФ в Москве, Рукописного отдела Россий-

¹ *Zelnik Reginald E. Labor and Society in Tsarist Russia: The Factory Workers of St. Petersburg. 1855–1870. Stanford University Press. Stanford, California, 1971. 450 p.*

ской Национальной библиотеки (бывшей ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде), а также книги и документы Славянской библиотеки Хельсинкского университета, Гуверовского института войны и мира в Стэнфорде, Библиотеки Конгресса США в Вашингтоне, Колумбийского университета в Нью-Йорке, библиотек Нью-Йорка и его родного университета в Беркли. В монографии Р. Зелника богатый документальный материал сочетался с широкой постановкой и решением исследовательских задач, когда рабочее движение в Петербурге в 1860-е гг. рассматривалось в контексте правительственной политики, трудового законодательства, пропагандистской деятельности среди рабочих демократической интеллигенции, роли в этой связи воскресных школ. Приходится только пожалеть, что в дальнейшем Р. Зелник не реализовал своей задумки — продолжить исследование до конца царствования Александра II, т. е. распространить хронологические рамки изучения на все 1870-е гг., выпустить второй том книги. В этом плане очень важны публикуемые в первом и втором разделах настоящей книги статьи, относящиеся именно к 1870-м гг.

Но своей главной теме — исследованию исторических судеб рабочих России, — во всем многообразии ее аспектов, Р. Зелник оставался верен до конца своих дней.

В 1986 г. вышла его новая большая книга: перевод полного текста автобиографических воспоминаний рабочего-социалиста С. И. Канатчикова с развернутым введением и обширными аналитическими комментариями, — которую он посвятил своим родителям Саломее и Симону Зелникам². Этой же теме посвящены публикуемые в настоящем сборнике статьи второго раздела, в частности сравнительный анализ воспоминаний Семена Канатчикова и Матвея Фишера — «русских Бебелей».

Наконец, в 1995 г. выходит третья большая книга Р. Зелника, посвященная стачке 1872 г. на Кренгольмской текстильной мануфактуре в Нарве и свидетельствующая о том, что он продолжал реализацию своего давнего замысла — исследования рабочего движения в России в эпоху Александра II. Здесь, кроме центральных московских и петербургских архивов, были использованы документы из эстонского архива в Тарту. Одновременно появилась возможность сопоставить ситуацию в рабочем движении в Петербурге и Эстляндии

² A Radical Worker in Tsarist Russia. The Autobiography of Semen Ivanovich Kanatchikov. Translated and Edited by Reginald E. Zelnik. Stanford University Press. Stanford, California, 1986. 472 p.

(см. соответствующую статью в настоящем сборнике). Книга эта, прекрасно изданная, иллюстрированная документальными фотографиями, была посвящена детям автора: Памеле и Майклу³.

В 2002 г. появилась объемная (620 стр. текста) книга, посвященная студенческому Движению за свободу слова и против войны во Вьетнаме — в Калифорнийском университете в Беркли в 1960-е гг.⁴, — над которой Реджинальд Зелник, в те годы — молодой профессор и активный участник антивоенного Движения за демократию и свободу слова, работал много лет, собрал воспоминания участников движения, сам написал большую (75 стр.) главу и издал книгу вместе с профессором Робертом Коэном (Cohen). Книга посвящена памяти одного из руководителей движения Марио Савио (1942–1996); об этих событиях повествуют последние две публикации IV раздела настоящего сборника.

Последние годы Реджи работал над историографической статьей о трагической судьбе академика А. М. Панкратовой — известного советского историка рабочего класса России, видной общественной деятельницы. И я старался, как мог, помочь ему в этой работе (свидетельство этого — наша с ним переписка 2002–2004 гг.), но Реджи не успел. Трагический, нелепый случай оборвал жизнь замечательного исследователя и обаятельного человека. А я и моя жена потеряли своего большого друга, соратника по общей работе, о чем — мои краткие заметки, личные воспоминания, которые я помещаю ниже.

С Реджи Зелником я лично познакомился в июне 1988 г. в Париже, во время заседаний рабочей группы по подготовке международного коллоквиума в Ленинграде, который был намечен на июнь 1990 г. и должен был стать заключительным этапом в осуществлении амбициозного международного проекта АН СССР и Дома наук о человеке в Париже, посвященного сравнительному изучению рабочего движения в индустриальных странах Европы и США в 1890–1920-е гг., вдохновителем которого был наш друг и коллега профессор Колумбийского университета Леопольд Хаймсон⁵. До этого я знал Р. Зелника по его книге 1971 г., — которую он в июне 1972 г., во время очередного приезда в СССР и, в частности, в Петербург (с семьей), передал в библиотеку нашего института (в те годы ЛОИИ СССР АН СССР), — и

³ *Zelnik Reginald E. Law and Disorder on the Narova River. The Kreenholm Strike of 1872.* University of California Press. Berkeley; Los Angeles; London, 1995. 310 p.

⁴ *The Free Speech Movement. Reflections on Berkeley in the 1960s.* / Edited by Robert Cohen and Reginald E. Zelnik. University of California Press. Berkeley; Los Angeles; London, 2002. 620 p.

⁵ О парижском совещании см. примеч. 7.

по рассказам знавшего его также с 1972 г. моего коллеги и друга Ю. И. Кирьянова. В Париже Реджи выделялся своим большим ростом и буйной шевелюрой. Он был немногословен, хотя его суждения и предложения были дельными и оказались полностью поддержанными совещанием.

Таким образом, Реджи, наряду с Леопольдом Хаймсоном, Биллом Розенбергом, Юттой Шеррер и другими, стоял у основания ленинградских-петербургских коллоквиумов, которые, после 1990 г.⁶ и очередной рабочей встречи в 1991 г. в Париже⁷, стали регулярными и до сих пор служат важной формой взаимополезного и продуктивного международного научного сотрудничества по ключевым проблемам российской истории второй половины XIX в. — 1917 г. Собственно, и настоящий сборник готовится к очередному, уже седьмому, международному коллоквиуму в июне 2007 г., посвященному исторической памяти.

Так же непринужденно и просто держался Реджи во время дружеской встречи и застолья участников совещания, после его окончания, дома у друзей Л. Хаймсона — семьи сотрудницы Высшей школы восточных языков в Париже Тамары Кондратьевой и ее мужа Клаудио Ингерфлома из Национального центра научных исследований. Гостеприимным хозяевам Реджи подарил тогда свою недавно перед этим вышедшую книгу воспоминаний С. И. Канатчикова.

После парижской встречи наступила продолжительная пауза в наших контактах и встречах. Реджи из-за своей занятости и семейных проблем не смог участвовать ни в конференции в Граце (Австрия) в 1989 г., ни в первых питерских коллоквиумах 1990 и 1993 гг. Но затем он снова активно включился в нашу общую работу. Вместе со своим учеником Марком Стейнбергом он выступил главным координатором и организатором с американской стороны очередного коллоквиума, запланированного на июнь 1995 г. и посвященного проблеме взаимоотношений рабочих и интеллигенции в пореформенный период вплоть до 1917 г. Для Реджи это была родная тема, и потому он с таким энтузиазмом включился в подготовку коллоквиума. Благодаря его энергии удалось получить финансовую и организационную поддержку со стороны американского Совета по международным исследованиям и научным обменам (IREX, США), а также Института А. Гарримана при Колумбийском университете в США, Калифорнийского

⁶ Материалы этого коллоквиума см.: Реформы или революция? Россия, 1861–1917. Материалы международного коллоквиума историков. СПб.: Наука, 1992. 395 с.

⁷ О ней см.: Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 — февраль 1917 г. СПб.: Блиц, 1997. С. 5–6, 25.

университета в Беркли (США), Дома наук о человеке (Париж), Российского гуманитарного научного фонда. Большую работу по размножению и распространению среди иностранных участников (а их было 17 из США, ФРГ, Великобритании, Франции, Финляндии и Азербайджана) текстов докладов проделал Марк Стейнберг. На самом коллоквиуме Реджи сделал один из главных докладов «Рабочие и интеллигенция в 1870-х гг.», активно участвовал в дискуссиях.

Мы были рады новой встрече с ним. Реджи был желанным гостем у нас дома, где нашел заинтересованного собеседника в лице моей жены — Людмилы Павловны Турчаниновой, озабоченной, как и он, здоровьем сыновей. С этого времени Реджи уже не пропускал ни одного из следующих двух коллоквиумов — 1998 и 2001 гг., где активно выступал комментатором, участвовал в обсуждении докладов, посвященных проблемам Первой мировой войны, науке, ученым и власти в России. И всегда он был дорогим гостем в нашей семье.

Но для коллоквиума 1995 г. он сделал больше, чем просто участие в его работе. После окончания работы потребовался почти год, чтобы изыскать необходимые средства для издания большого (40 п. л.) тома его материалов. Публикация готовилась в сотрудничестве с издательством «Блиц», давним нашим партнером в издании первых выпусков «Хроники рабочего движения в России (1896–1899 гг.)», и его американским соиздателем, с которым Реджи поддерживал постоянный контакт, — Эдвардом Ньютом. Том материалов коллоквиума вышел к Международной конференции славистов в Сиэтле (США) в ноябре 1997 г. и активно там продавался. Но Реджи не ограничился участием в подготовке и издании русского текста материалов коллоквиума. И уже через год он выступил издателем его английского аналога: в издательстве Калифорнийского университета в Беркли вышел том (352 страницы большого формата) докладов зарубежных участников коллоквиума и двух российских (Ю. И. Кирьянова и С. И. Потолова)⁸. Позднее, в 2002 г., на английском языке при содействии Р. Зелника были изданы еще два доклада на коллоквиуме 1995 г. — петербургских историков Н. В. Михайлова и С. Л. Фирсова⁹.

⁸ Workers and intelligentsia in late Imperial Russia: realities, representations, reflections / Reginald E. Zelnik, editor. University of California at Berkeley, 1998. 352 p.

⁹ См.: *Mikhailov Nikolaj V.* The Collective Psychology of Russian Workers and Workplace: Self-Organization in the early Twentieth Century // New Labor History. Worker Identity and Experience in Russia. 1840-1918. / Edited by Michael Melancon and Alice K. Pate. Bloomington. Indiana, 2002. P. 77-94; *Firsov Sergej L.* Workers and Orthodox Church in the early Twentieth Century Russia // Ibid. P. 65-76.

Все эти три года, 1995–1997 гг., сопровождались перепиской между нами по электронной почте, с помощью Н. Н. Смирнова (компьютер и возможность переписываться непосредственно появились у меня только со второй половины 2000 г.), иногда по факсу. В 1997 г., кроме издательских дел, в нашей с Реджи переписке присутствовал еще один сюжет. В этом году я получил месячный грант Института перспективных российских исследований имени Джорджа Кеннана — для работы в Библиотеке Конгресса США в Вашингтоне в октябре-ноябре по плановым темам. Стараясь извлечь максимум из этой поездки, с помощью американских коллег и друзей Леопольда Хаймсона, Ричарда Уортмана, Билла Розенберга и Реджи Зелника, получив от них дополнительные приглашения, я сумел до и после Вашингтона поработать неделю с русскими источниками в Бахметьевском архиве при Колумбийском университете в Нью-Йорке. Но мне особенно хотелось использовать для своей работы документы фондов заграничной охраны в Париже, Б. И. Николаевского и другие русские материалы, хранящиеся в знаменитом архиве Гуверовского Института войны, революции и мира при Стэнфордском университете. И тут неоценимую дружескую помощь оказал Реджи, приславший приглашение своего университета в Беркли, который в итоге профинансировал перелет в Калифорнию и обратно и 10-дневное там пребывание.

Итак, после месячного пребывания и работы в Вашингтоне, я снова в самолете. Позади остались посадка и кратковременная стоянка в Сент-Луисе, где сверху были хорошо видны марктовеновские места, слияние Миссури и Миссисипи, сказочно красивые заснеженные Скалистые горы, и вот уже аэропорт Сан-Франциско, расположенный прямо на берегу морского залива, и знакомая статная фигура встречающего меня Реджи. На своей машине он привез меня к себе домой в Беркли, где я провел два дня в дружеском общении с ним и его милой женой Элейн. Это были выходные дни, но мы с ним съездили в Университет, где он показал мне исторический факультет, деканом которого он долгое время был, университетскую библиотеку. Кроме того, я и сам немного погулял по Беркли, побывал в маленьком антикварном магазине, который держит Элейн. У Реджи всегда было много учеников-аспирантов, и по его просьбе я один из вечеров провел в их кругу, обсуждая проблемы истории России XIX–XX вв. и консультируя их перед поездкой в Россию для работы в архивах. С некоторыми из них (с Жаклин-Ким Фридендер, Лизой Уолкер) я был знаком и раньше, помогал им во время приездов к нам, в том числе и для участия в наших коллоквиумах, переписываюсь до сих пор.

Реджи мне подарил тогда выпущенную в 1996 г., к его 60-летию, книгу со статьями и публикациями его учеников и друзей, любовно оформленную и хорошо изданную (с многочисленными красочными иллюстрациями)¹⁰.

На третий день Реджи должен был уезжать в Сиэтл на ежегодный съезд славистов, куда обычно собираются крупнейшие американские специалисты по русской истории и зарубежные гости. У меня тоже было приглашение, но я предпочел оставшуюся неделю провести в расположенном недалеко от Беркли Стэнфорде, работая в Гуверовском архиве и библиотеке, и Реджи договорился через нашего коллегу и участника коллоквиума 1990 г. профессора Стэнфордского университета Терри Эммонса об устройстве (за счет Университета в Беркли) меня в Доме для зарубежных гостей и допуске в архив и библиотеку.

В Гуверовском архиве хранится уникальный фонд заграничной агентуры Департамента полиции, полностью вывезенный в начале 1920-х гг. из посольства России в Париже, а также многие личные фонды и коллекции русских эмигрантов, в частности — громадный фонд известного историка революционного движения Б. И. Николаевского. За неделю при дружеском содействии работников архива и читального зала мне удалось сделать многочисленные выписки и скопировать более 100 листов документов, многие из которых уже использованы в опубликованных статьях, — и это тоже память о дорогом Реджи¹¹.

После этой американской поездки наши дружеские отношения с Реджи еще больше окрепли, мы периодически обменивались приветствиями в праздничные (главным образом, новогодние) дни, я и моя жена всегда были рады его видеть во время его приездов к нам на очередные коллоквиумы в 1998 и 2001 гг. Мы старались также держать его в курсе книжных новинок, которыми старались его снабжать.

Об отзывчивости и душевной доброте Реджи свидетельствует и такой факт, отраженный в нашей переписке. Летом 2003 г. я попросил Реджи помочь внучке моего научного руководителя, профессора М. П. Вяткина, — молодому талантливому математику Кире Вяткиной, которая была приглашена на научную конференцию в Беркли, подыскать для нее недорогое жилье на 10 дней. Просьбу мою Реджи выпол-

¹⁰ Labor, Thought and Society in Russia and the Soviet Union: Essays Presented to Professor Reginald E. Zelnik by his Students and Colleagues / Edited by Gerald D. Surh and Robert E. Weinberg. University of Southern California, 1996. 420 p.

¹¹ Подробнее о научной командировке в США (октябрь-ноябрь 1997 г.) см. мои заметки: *Потолов С.* Американская осень 1997 г. // *Профессионалы за сотрудничество*. М., 2002. Вып. 5. С. 284-290.

нил, устроив Киру у своих друзей, передав с ней свою недавно перед этим изданную книгу о студенческом движении в Беркли в 1960-е гг. и теплое дружеское письмо, которое я бережно храню, как память об этом замечательном человеке. Как порадовался бы сегодня Реджи, узнав, что Кира успешно защитила кандидатскую диссертацию, работает сегодня над докторской, стала доцентом Петербургского университета, часто ездит по приглашениям на научные форумы.

Я очень ждал Реджи в 2004 г. Была договоренность с внучкой А. М. Панкратовой, что во время его приезда в Россию он сможет ознакомиться с дневниковыми записями А. М., хранящимися у них дома. Известие, полученное А. Е. Рабиновичем, о трагической гибели нашего друга и коллеги, буквально накануне отъезда к нам, 17 мая 2004 г., потрясло всех нас. Первое заседание коллоквиума в июне 2004 г. в Европейском университете мы посвятили памяти Реджи. А. Е. Рабинович и я выступили со своими воспоминаниями о нем, а вечером я показал видеокадры и фотографии, снятые у него дома в Беркли. И среди нас была Кира Вяткина и ее мама, известный физик, сотрудница знаменитого Физико-технического института. Время летит быстро, уже более двух лет Реджи нет с нами, но благодарная память о большом ученом и замечательном человеке всегда останется в наших сердцах.

Декабрь 2006 г.

Л. Энгелстайн

**Реджинальд Зелник
(8 мая 1936 — 17 мая 2004)**

Реджинальда Э. Зелника любили студенты и аспиранты, которых он учил в университете, его любили молодые историки, которых он заботливо опекал, даже не будучи их официальным руководителем. Его любили коллеги и в Соединенных Штатах, и в России. Зелника любили многие люди, разделявшие его искренний и глубокий интерес к русской истории.

17 мая 2004 года на территории кампуса Калифорнийского университета в Беркли — университета, в котором Зелник работал на протяжении 40 лет, он был сбит грузовиком и умер прямо на месте. Эта смерть стала для нас страшной потерей, потерей уважаемого коллеги, потерей хорошего человека.

Зелник родился 8 мая 1936 года в Нью-Йорке, он получил степень бакалавра в Принстонском университете в 1956 г. С 1957 по 1959 г. служил в военно-морском флоте США (там он и начал изучать русский язык). Затем была аспирантская программа Стэнфордского университета, в 1961 г. Зелник получил магистерскую степень, степень доктора — в 1966 г. Год он преподавал в университете штата Индиана, а в 1964 г. начал работать в Университете штата Калифорния в Беркли, возглавлял там Центр славистских и восточноевропейских исследований (1977–1980) и исторический факультет (1994–1997).

Между научными интересами Зелника и современными моральными и политическими проблемами всегда существовала тесная связь.

В 1964 г., когда он переехал в Беркли, течение осеннего семестра было прервано разрастающимся конфликтом между студентами и университетской администрацией, которая пыталась ограничить распространение политической литературы на территории Университета и в его окрестностях. Студенты протестовали против того, что они считали несправедливым ограничением их права на выражение собственного мнения, гарантированного им конституцией. Их лидеры также были участниками движения за гражданские права афроамериканцев, и они полагали, что между двумя движениями существует связь: в обоих случаях речь шла о защите фундаментальных ценностей американской политической жизни. Эти события приобрели известность как Движение за свободу слова — студенты организовывали массовые митинги, проводили демонстрации у зданий Университета. В духе учения Мартина Лютера Кинга о ненасильственном гражданском неповиновении они не оказывали сопротивления полиции, которая проводила массовые аресты.

Зелник, молодой преподаватель, не имевший еще постоянной работы, не защитивший даже свою докторскую диссертацию, оказался в гуще этой борьбы. Им руководило то чувство справедливости, которое определяло и основной предмет его научных интересов — историю рабочего движения в России. Сочувствуя делу студентов, молодой преподаватель стал посредником между радикальными протестантами и своими более консервативными коллегами. В конце концов, усилия либеральной части преподавательского состава достигли своей цели, справедливость студенческих требований была признана. Проходили годы, но Зелник сохранил интерес к этому эпизоду американской истории. Совсем недавно, в 2002 г., издательство Калифорнийского университета в преддверии сороковой годовщины этих событий выпустило книгу «Движение за свободу слова: размышления о мятеже в кампусе», содержащую воспоминания участников этого события. Вместе с Робертом Коэном Зелник ее редактировал, его перу принадлежит исторический очерк, включенный в этот том.

Движение за свободу слова было первой фазой студенческого движения, которое сыграло важную роль в противодействии американскому участию в войне во Вьетнаме. Как и многие американцы в середине 1960-х гг., Зелник был крайне обеспокоен войной. Его вовлеченность в общественные дебаты нашла отражение в своеобразной «Гражданской белой книге», посвященной изучению доступных тогда источников по истории американской внешней политики: в 1966 г. издательство «Бикон пресс» опубликовало книгу «Политика эскалации

во Вьетнаме». Вместе с Францем Шурманном и Питером Дэйлом Скоттом Зелник редактировал этот том. В данной публикации нашли отражение те черты, которыми были отмечены и научные труды Зелника, и вся его жизнь: интерес к общественно важным темам, поиск наиболее надежных источников информации и тщательный их анализ.

Активное участие в общественных дискуссиях не помешало Зелнику вести свои научные исследования по истории рабочих в России в XIX веке. Его первая монография была посвящена фабричным рабочим Санкт-Петербурга в 1855–1870 гг., ее выпустило в 1971 г. издательство Стэнфордского университета. То же издательство опубликовало в 1986 г. автобиографию рабочего-большевика Семена Ивановича Канатчикова, интереснейший источник, который стал широко цитироваться в англоязычных изданиях. Перевод этой книги осуществил Зелник, ему принадлежит и аналитическая статья, включенная в книгу, и весьма ценные комментарии. В 1995 г. издательство Калифорнийского университета выпустило монографию, посвященную забастовке на Кренгольмской мануфактуре в 1872 г.

Все три книги рассматривают начальную фазу массового рабочего движения, все они изучают зарождение самосознания, идентичности людей, рассматривавших себя как представителей рабочего класса. Автора интересует, как фабричные и заводские рабочие осознавали себя, свои отношения с другими социальными группами, как это самосознание влияло на организацию коллективного протеста, на восприятие идей, предлагавшихся радикальной интеллигенцией. Интерес к истории влиятельных общественных сил сочетается в этих книгах с изучением самосознания отдельных людей — представителей интеллектуальной элиты, правительственных чиновников, самих рабочих. Используя в своем исследовании инструментарию социальной истории и социальной психологии, Зелник приходит к выводу о том, что люди принимают решения и развивают собственные идентичности под влиянием условий, которые они не могут контролировать (парафраз идей К. Маркса), но которые все же оставляют возможность для некоего сознательного выбора.

Над своей докторской диссертацией Зелник работал в Ленинградском университете в 1961–1962 гг., поездка стала возможной благодаря поддержке Межуниверситетского комитета, предоставлявшего гранты для командировок; эта программа, созданная в 1958 г., способствовала научному обмену между США и СССР. Первая монография Зелника, подготовленная на основе его докторской диссертации, уделяет особое внимание начальным фазам социальной мобилизации рабо-

чих, которые имели место тогда, когда у народников было еще мало связей в фабричной среде. Книга прослеживает первые контакты между рабочими и этими образованными незнакомцами, воссоздает ход первых забастовок. Изучение рабочего движения сочетается в книге с исследованием социального и экономического облика города, рассматриваются и взгляды властей, городских элит относительно промышленного роста, который имел различные социальные последствия. Эти сюжеты представляют широкую картину жизни важнейшего города российской империи в период промышленной трансформации.

Зелник первоначально планировал написать продолжение этой книги, в котором хотел продолжить изучение истории петербургских рабочих в 1870-е гг. — в то время, когда связи между рабочими и радикальными агитаторами укрепились. Вместо этого он совершил поворот в своих научных занятиях, предприняв исследование совершенно иного аспекта социальной истории. Его вторая большая публикация уделяет больше внимания не группам и структурам, а жизни отдельных людей. Хронологически же она рассматривает более поздний период, время значительного развития промышленности, время большего влияния радикальной идеологии. Книга представляет собой выполненный Зелником перевод автобиографии рабочего Семена Канатчикова, опубликованной первоначально в 1929 г.; она доведена до 1905 г. Затем появилась и статья, в которой жизненный путь мемуариста сопоставлялся с биографией его современника Матвея Фишера, другого рабочего-активиста¹. Спустя почти двадцать лет Зелник вернулся к этой теме: он подготовил к печати материалы, выявленные в архивах, которые позволили проследить жизненный путь Канатчикова в советское время².

В следующей работе Зелник сочетал различные подходы, использовавшиеся в двух первых книгах. Монография посвящена особому промышленному району, большой текстильной фабрике, расположенной на берегах Нарвы, в районе русско-эстонского пограничья³. Книга воссоздает историю превращения рабочих беспорядков в организованное

¹ *Zelnic R. E. Russian Bebel: An Introduction to the Memoirs of Semen Kanatchikov and Matvei Fisher. Pts. 1 and 2 // Russian Review. 1976. Vol. 35. № 3 (July). P. 249-289; Vol. 35. № 4 (October). P. 417-447.*

² *Zelnic R. E. The Fate of a Russian Bebel: Semen Ivanovich Kanatchikov, 1905-1940. Pittsburgh, 1995 (The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies, № 1105. University of Pittsburgh).*

³ *Zelnic R. E. Law and Disorder on the Narova River: The Kreenholm Strike of 1872. University of California Press. Berkeley, Los Angeles; London, 1995.*

забастовочное движение. Общая проблема социальной мобилизации рабочих рассматривается через призму единичного события, монография также содержит портрет одного из участников забастовки, рабочего Василия Герасимова, который, подобно Канатчикову, оставил свои воспоминания о раннем периоде своей жизни. Написанные в 1881–1882 гг., впервые опубликованные в 1906 г., через четырнадцать лет после смерти автора, эти мемуары интересны тем, что они были созданы еще до того, как сложился особый жанр воспоминаний рабочих. На них не лежит печать *целесолагания*, присущая большевистским автобиографическим текстам; они охватывают то время, когда организаторы-радикалы еще не проникли в рабочие круги. Это повествование позволяет проследить процесс формирования идентичности, разворачивавшийся еще до внедрения в сознание рабочих самого понятия «класс»⁴. Герасимов обрел цель и чувство своей принадлежности к сообществу рабочих не посредством знакомства с абстрактной теорией, а благодаря ощущению общих страданий и отверженности. Он осознает себя так не только вследствие того, что он занимает определенное место в процессе производства, — он вновь и вновь вспоминает свое трудное детство, детство финского мальчика-сироты.

Создавая особый нарратив, излагая результаты своего исследования, Зелник уделял специальное внимание особенностям и случайностям, показывал, как они связаны с общими условиями.

Избрав тот момент русской истории, когда определенные правила вовлечения в социальный конфликт не были еще систематизированы и ритуализованы, он рассматривал ситуацию, в которой все противостоящие стороны располагали большим выбором действий. Рабочие, отмечает он, обладали некоторым зачаточным правовым сознанием, они чувствовали, что имеют некие законные права. Власти уловили этот импульс, они по мере возможности пытались реагировать, однако их непоследовательность питала то недовольство рабочих, которое они пытались ослабить.

Вопрос о юридическом контексте трудовых конфликтов, его влиянии на отношения между рабочими, предпринимателями и государством привлекал особое внимание Зелника. Эту тему он предполагал развить в большом компаративном исследовании. Был намечен план масштабной работы, охватывающей период с 1789 по 1917 г., в которой рассматривались бы соответствующие темы на примере француз-

⁴ *Zelnik R. E. Before Class: The Fostering of a Worker Revolutionary, Construction of His Memoir // Russian History. 1993. Vol. 20. № 1–4. P. 61–80.*

ской, прусской (германской) и российской истории. Предполагалось не только рассмотреть воздействие совершенно разных правовых систем на развитие отношений в промышленности, но и проследить то, как различные образы, типы отношений к забастовкам кочевали из одной культуры в другую. Зелник планировал рассмотреть широкий спектр практик и репрезентаций, существовавших на протяжении долгого XIX века на всем европейском пространстве (исследование, возможно, было бы доведено до раннего периода советской истории включительно). Очерк, посвященный пьесе Г. Гауптмана «Ткачи» и истории восприятия этой пьесы в России, дает возможность представить, каким было бы это исследование в том случае, если бы оно было закончено⁵.

Другой проект Зелника также не был завершен. Это краткая биография Анны Михайловны Панкратовой, выдающегося советского историка рабочего движения⁶. Случай А. М. Панкратовой представлялся Зелнику противоположным, по сравнению с жизнью В. Герасимова. В одном случае малообразованный человек обретает свой собственный образ мышления, в другом — описывается интеллектuala, обладающий прекрасным образованием, который находит некоторое пространство для творчества в рамках жестко ограниченной системы. Зелник вовсе не считает Панкратову догматиком, неспособным к развитию, он выделяет такие моменты, когда она шла на профессиональный риск, как это имело место в начале правления Н. С. Хрущева. В отличие от случаев явного инакомыслия или полного согласия с властью, этот пример, который Зелник характеризует как «ограниченное инакомыслие», дает представление о возможностях выбора, которыми обладали даже те люди, которые были полностью включены в систему (во всяком случае, после смерти И. В. Сталина). Находя подтверждения случаев демонстрации Панкратовой профессиональной независимости, Зелник подтверждает свою собственную веру в способность человека отстаивать свою сущность, сохранять интеллектуальную честность в самых неблагоприятных условиях. Обладая собственными твердыми убеждениями, он хорошо понимал человеческие слабости и ценил личное мужество, поэтому отказался от вынесения некоего вердикта относительно жизни Панкратовой.

⁵ *Zelnic R. E. Weber into Tkachi: On a Russian Reading of Gerhart Hauptmann's Play The Weavers // Self and Story in Russian History / Ed. L. Engelstein and S. Sandler. Ithaca, 2000.*

⁶ Материалы этого исследования опубликованы в посмертном издании: *Zelnic R. E. Perils of Pankratova: some stories from the annals of Soviet historiography. University of Washington Press, 2005.*

Таким образом, последняя публикация Зелника, посвященная истории рабочих, отражает проблематику той профессиональной ответственности, которая встает перед исследователями, изучающими эту историю. И, как всегда, в его подходе отразились строгость разума и великодушные души. Особенно примечательна его сдержанность, ибо он терпеть не мог догмы, — он верил, что политические убеждения должны включать в себя систему доказательств, известный скептицизм, уважение иной точки зрения. Чуждый карьеризму во всех его проявлениях, он пытался понять сложный внутренний мир безжалостного карьериста, каким, на первый взгляд, казалась Панкратова.

Начало карьеры самого Зелника совпало по времени с реформами Хрущева, когда международные контакты стали возможными, хотя и были весьма затруднены. Он продолжал работать и в постсоветскую эпоху, когда исследовательские занятия и западных, и российских исследователей невозможно представить без постоянного взаимного сотрудничества. Для развития этого дружеского сотрудничества Зелник сделал немало, — он, в частности, стоял у истоков организации международных коллоквиумов, первый из которых состоялся в 1990 г. В 1995 г. он, вместе с С. И. Потоловым, был организатором специального коллоквиума, посвященного рабочим и интеллигенции. Он вошел в редколлегию русского издания материалов коллоквиума, редактировал англоязычный том, в который были включены некоторые доклады⁷.

Нам очень не хватает Реджи на нашем коллоквиуме. Нам не хватает его мудрости, его умения вести дискуссию, его озорного юмора. Нам не хватает его за нашим столом, ведь он любил русское застолье, любил общество русских.

⁷ Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революции, 1861 – февраль 1917 г. / Ред. С. И. Потолов. СПб., 1997; *Workers and Intelligentsia in Late Imperial Russia: Realities, Representations, Reflections* / Ed. R. E. Zelnik. Berkeley, CA, 1999.

I. ИСТОРИЯ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Воскресные школы в России в 1859–1862 гг. (1965)

В первые годы после поражения в Крымской войне самодержавие готово было сносить беспрецедентную активность со стороны русской общественности. Власти терпимее обычного относились к открытому обсуждению крестьянского вопроса, цензуры и проблем образования. В нескольких случаях общественная инициатива обрела негосударственные организационные формы. К числу наименее изученных аспектов этого общественного движения относится так называемая инициатива создания воскресных школ, возникшая в 1859 г. и резко оборвавшаяся в 1862 г. Это были частные бесплатные школы, создававшиеся образованными людьми для борьбы с безграмотностью низших слоев и работавшие по воскресным дням, на которые у рабочих приходился единственный выходной¹. С одной стороны, изучение воскресных школ

¹ Подробный очерк истории воскресных школ см. в двух дореволюционных работах: *Абрамов Я. В.* Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее. СПб., 1900; *Лемке М. К.* Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908, особенно С. 401–438. Обе эти работы внесли значительный вклад в изучение воскресных школ. В момент создания своей книги Я. В. Абрамов участвовал в аналогичном движении и поэтому склонен был не замечать некоторых слабых сторон воскресных школ. М. К. Лемке, посвятивший им целую главу, особенное внимание уделяет правительственному расследованию деятельности школ в 1862 г. Он обильно цитирует архивные документы (в том числе материалы допросов и другие бумаги следственной комиссии), составляющие главную ценность этой главы.

В Советском Союзе о воскресных школах не вышло ни одной монографии. Им посвящена статья Г. Ионовой «Воскресные школы в годы первой революционной ситуации (1859–1861)» (Исторические записки. 1956. Т. 47. С. 177–209), основанная на материалах ее неопубликованной диссертации «Рабочее движение в России в годы

позволяет вскрыть основные тенденции, свойственные этому краткому, но значимому периоду русской истории; с другой стороны, оно приближает нас к объяснению того, почему русское общество не смогло реализовать реформистский импульс, вызванный к жизни крымским поражением и смертью Николая I. Кроме того, мы предполагаем опровергнуть некоторые историографические мифы, связанные с воскресными школами. Особое внимание в настоящей работе будет уделено петербургским школам — именно в столице интересующее нас движение достигло наибольших успехов и вызвало наибольшее противодействие.

Считается, что первые воскресные школы появились в Киеве осенью 1859 г.² В сентябре этого года по городу прошел слух, что группа образованных киевлян намерена учредить школы для неграмотных рабочих³. Через три недели открылась первая из этих школ. Среди ее основателей числились 17 студентов Киевского университета, один из профессоров (П. В. Павлов) и студент Киевской духовной академии. В школу был открыт бесплатный доступ всем тем, кому условия труда не позволяли учиться в другие дни, и кто не мог сам оплатить свое образование⁴.

Благодаря поддержке известного педагога и хирурга Н. И. Пирогова, в ту пору попечителя Киевского учебного округа, число воскресных школ росло, и вскоре они начали возникать и в других частях европейской России. Скорость, с которой это происходило, свидетельствует о сильной и осознанной потребности в такого рода заведениях: рабочим были необходимы начатки образования, а интеллигенции — легальные

революционной ситуации 1859–1861 гг.» (М., 1950; далее ссылки на статью, за исключением особо оговоренных случаев). В работе Г. Ионовой учитываются важные архивные источники, однако многие ее выводы представляются необоснованными. Воскресным школам посвящены еще две специальные работы: *Таубин Р. А.* Революционная пропаганда в воскресных школах России в 1860–1862 гг. // Вопросы истории. 1956. № 8. С. 80–90; *Пичуренко Я. Д.* К вопросу о роли воскресных школ в буржуазно-демократическом освободительном движении России в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. // Советская педагогика. 1954. № 5. С. 95–114. К сожалению, авторы этих работ по большей части принимают на веру версию о конспиративном назначении воскресных школ, оформившуюся в официальных документах царского времени.

² Некоторые немецкие воскресные школы были учреждены в балтийских землях в царствование Николая I. Эти церковные школы не имеют отношения к нашей теме и в настоящей статье рассматриваться не будут.

³ См.: Киевский телеграф. 1859. 23 сентября. Прочитировано в кн.: *Абрамов Я. В.* Указ. соч. С. 12.

⁴ См.: Журнал Министерства народного просвещения (далее — ЖМНП). 1859. Т. CIV. № 1. Отд. 7. С. 98.

начинания, которые объединили бы ее усилия ради общественного блага. Особенно рьяно за эту идею взялись в Петербурге, где к концу 1860 г. существовало 23 воскресные школы⁵.

В. В. Стасов, археолог, историк и одно время государственный служащий, живо описал тот энтузиазм, с которым петербургское общество относилось к воскресным школам и другим подобным начинаниям. Стасов пишет, в частности, о своей сестре — Н. В. Стасовой. Она готова была к любой благотворительной деятельности, будь то работа в больнице или членство в обществе для приобретения дешевого жилья рабочим, в женском трудовом объединении⁶. О воскресных школах Стасова узнала от человека, сыгравшего главную роль в становлении этого института в Киеве и Петербурге — П. В. Павлова. Исследователи русского либерализма, особенно западные, незаслуженно мало говорят о Павлове. В 1846 г., в возрасте двадцати трех лет, Павлов получил место профессора истории в Киевском университете, которое до этого занимал Н. И. Костомаров. К началу 1850 г. он приобрел огромный авторитет среди киевского студенчества. По словам Я. В. Абрамова, Павлов принадлежал к новому типу университетских преподавателей: «Страстный враг крепостного права, высоко ценящий образование и сам разносторонне образованный, он видел спасение для народа в образовании и сделался пропагандистом народного образования»⁷. Неудивительно, что с такими убеждениями Павлов не остался в стороне от воскресных школ. В Киеве он был тесно связан со студентами, занимавшимися их организацией.

Советские историки, приписывающие Павлову и другим учредителям воскресных школ революционно-конспиративные намерения, особое внимание уделяют тому факту, что четверо или пятеро студентов, сотрудничавших с Павловым в Киеве, до этого участвовали в тайном обществе в Харькове⁸. Однако, по словам Н. И. Пирогова (в те годы, напомним, попечителя Киевского учебного округа), эти студенты не

⁵ См.: ЖМНП. 1861. Т. СІХ. № 1. Отд. ІV. С. 1. Строго говоря, первая петербургская воскресная школа была учреждена раньше киевских. М. С. Шпилевская, чиновничья дочь, в апреле 1859 г. устроила у себя на квартире неофициальную воскресную школу для девочек, где сама им преподавала. Официально школа Шпилевской была признана только в 1860 г. Такого рода заведения имели довольно маргинальный характер (см.: *Абрамов Я. В.* Указ. соч. С. 24–25).

⁶ См.: *Стасов В. В.* Воспоминания о моей сестре. Ч. 8. // Книжка недели. 1896. Апрель. С. 165–166.

⁷ *Абрамов Я. В.* Указ. соч. С. 11.

⁸ Доказательством конспиративного назначения первых воскресных школ Таубин, Пичкуренко и Ионова считают возможную связь Павлова с Герценом. Историю

играли сколько-нибудь выдающейся роли в учреждении школ. Кроме того, Пирогов (не понаслышке осведомленный об истории воскресных школ в Киеве) указывал на то, что подозрительные студенты входили в тайное общество почти за четыре года до основания школ; поведение их с тех пор было безупречным, а перевод их в Киевский университет состоялся с ведома министерства просвещения. Более того, через два месяца после открытия первой киевской школы харьковских студентов вызвали на допрос в Петербург; по возвращении они не имели отношения к воскресным школам. Наконец, Пирогов настаивал, что главную роль в устройстве школ играли «истые малороссы», а из харьковских студентов трое были евреями⁹. Ни Таубин, первым предложивший рассматривать воскресные школы как часть конспиративной структуры, ни другие исследователи так и не смогли найти ни одного документированного случая революционной пропаганды в школах. Наверняка многие из тех, кто работал в воскресных школах, надеялись на либерализацию политического строя в России и разделяли убеждение М. Ф. Левченко, одного из харьковских студентов, что школы должны служить «средством к распространению в массе простого народа *либеральных идей*»¹⁰. Все это, однако, не удостоверяет революционных намерений основателей воскресных школ. Сам Пирогов писал: «Несмотря на разнохарактерность учащихся и учащихся, ни на полную открытость школ и надзор со стороны и учебного, и гражданского (секретный) ведомства, во время моего попечительства не было ни однажды открыто в киевских воскресных школах ничего такого, что могло бы хотя издали намекнуть о существовании в них политической пропаганды, преступной или вредной для государства»¹¹.

школы они отсчитывают от встречи Павлова и Герцена в Лондоне в 1858 г. Кроме того, исключительным значением они наделяют тост за А. И. Герцена, произнесенный Павловым на прощальном ужине в Киеве в декабре 1859 г. Аргументация советских историков основывается на отчете министра внутренних дел П. А. Валуева; слова Валуева исследователи безоговорочно принимают на веру. Тезис о связи Павлова и первых воскресных школ с т. н. харьковско-киевской конспиративной группой также восходит к Валуеву, но даже он не мог подкрепить его доказательствами, а лишь предполагал, что они найдутся в архивах Третьего отделения (см.: *Таубин Р. А.* Указ. соч. С. 80–83; *Пичкуренко Я. Д.* Указ. соч. С. 97; *Ионова Г.* Указ. соч. С. 181–182).

⁹ См.: *Пирогов Н. И.* О воскресных школах // *Пирогов Н. И.* Избранные педагогические сочинения. М., 1953. С. 397. Один из советских исследователей, Г. Е. Жураковский, считает автором идеи воскресных школ студента из Полтавы, а не харьковских студентов (*Жураковский Г. Е.* К вопросу о возникновении первых воскресных школ в Киеве // Советская педагогика. 1944. № 10. С. 31–34). Пичкуренко строго выговаривает Жураковскому за такой «объективизм».

¹⁰ Цит. по: *Лемке М. К.* Указ. соч. С. 283.

¹¹ *Пирогов Н. И.* Указ. соч. С. 396.

Что касается самого Павлова, то комиссия во главе с князем Голицыным, расследовавшая дело о харьковско-киевском студенческом заговоре, пришла к выводу, что Павлов хотя и отзывался скептически о положении дел в России, но к тайным обществам отношения не имел¹².

В декабре 1859 г. Павлов переехал из Киева в Петербург. Там он вскоре стал одним из наиболее активных и влиятельных адептов воскресного образования. Так как мужские школы в столице уже существовали, Павлов занялся учреждением школ для женщин¹³ и на этой почве свел знакомство с Н. В. Стасовой и другими представителями петербургской прогрессивно настроенной интеллигенции, разделявшими его энтузиазм. Привлекая к сотрудничеству студентов, Павлов способствовал быстрому росту числа воскресных школ в Петербурге. С апреля 1860 г. по январь 1861 г., в самый благополучный период существования воскресных школ, только в столице их было открыто 20¹⁴. Многим представлялось тогда, что этому образовательному институту суждено в России большое будущее.

Однако, несмотря на первоначальные достижения, вскоре воскресные школы начали клониться к упадку. К июню 1862 г. их существование прекратилось. Причиной этого послужила не столько внутренняя деградация школ, сколько давление со стороны правительственных органов. С одной стороны, идея воскресных школ вызывала отторжение в различных социальных слоях и поэтому стремительно теряла жизнеспособность; с другой стороны, конец этому начинанию положило официальное запрещение школ, которое следует рассматривать в общем контексте реакции, последовавшей за освобождением крестьян.

Среди факторов, спровоцировавших реакцию, можно назвать распространённое недовольство крестьянской реформой, рост радикальных антиправительственных настроений в студенческой среде и появление первых революционных прокламаций. Пик был достигнут в мае 1862 г., когда Петербург охватили разрушительные пожары. Правительство посчитало их делом рук заговорщиков. В тот же момент стало известно о нескольких единичных случаях революционной агитации с участием учителей воскресных школ. Вследствие этого воскресные школы были объявлены опасными для государства и вскоре запрещены. Не приходится говорить, однако, что недоверие к ним в официальных кругах зародилось задолго до того.

¹² См.: Колокол. 1861. № 90. 15 января. С. 759.

¹³ *Абрамов Я. В.* Указ. соч. С. 32.

¹⁴ См.: Воскресные школы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. VII. СПб., 1895. С. 256.

С первых месяцев своего существования воскресные школы не могли сохранять независимость от правительственных учреждений. Хотя несколько школ какое-то время работали совершенно независимо, в конце концов все они были вынуждены обратиться за официальным разрешением на преподавательскую деятельность. Заявки подавались губернаторам, оттуда переправлялись в Министерство внутренних дел, и только затем — в Министерство просвещения, где они, собственно, рассматривались. Вдобавок требовалось получить разрешение той инстанции, в чьем ведении состояло предназначенное под воскресную школу здание. Обычно это было Министерство просвещения, но довольно часто Военное министерство, а иногда и Министерство путей сообщения¹⁵. Первоначально сотрудничество с правительственными учреждениями, особенно с министерствами внутренних дел и просвещения, шло на пользу воскресным школам, пользовавшимся сильной поддержкой в двух этих ведомствах. В циркуляре от 22 марта 1860 г., впервые узаконившем существование школ, министр внутренних дел С. С. Ланской указывал губернаторам на их благотворность¹⁶. В сентябре того же года Министерство просвещения распорядилось предоставлять здания государственных школ для воскресных занятий¹⁷. Фактически это распоряжение только фиксировало вполне распространенную практику — в Москве, Киеве и других местах представители министерства уже оказывали такого рода помощь воскресным школам. О том, сколь деятельно это начинание поддерживал попечитель Киевского учебного округа Н. И. Пирогов, говорилось выше. Однако сотрудничество с государственными органами неизбежно подвергало воскресные школы правительственному надзору, отчасти лишавшему эти учреждения их неофициального характера. Так, в Петербурге на открытии почти каждой воскресной школы присутствовал высокий чин из Министерства просвещения, а в Киеве чиновники министерства приходили в школы каждое воскресенье¹⁸. Возможность проводить занятия в правительственных зданиях, облегчавшая организацию школ, вместе с тем упрощала контроль за ними и ограничивала свободу учителей.

Если бы между учредителями воскресных школ и правительством установилось действительное взаимопонимание, эта проблема не при-

¹⁵ См.: *Арапов Н. Ф.* В. Я. Стоюнин и воскресные школы // Русская школа. 1898. № 1. С. 185–186. См. также: ГАРФ. Фонд Третьего отделения, эксп. 1-я, д. 263 (1862). «О воскресных школах, библиотеках, читальнях и о распорядителях и преподавателях оных». Л. 6.

¹⁶ См.: Энциклопедический словарь. Т. VII. С. 255–256.

¹⁷ Там же. С. 256.

¹⁸ *Абрамов Я. В.* Указ. соч. С. 25–26; *Пирогов Н. И.* Указ. соч. С. 395.

обрела бы решающего значения. Однако даже в Министерстве просвещения, до конца отстаивавшем идею воскресного обучения, задачи его представлялись совершенно не так, как многим организаторам школ. Естественно, это затрудняло доверительные отношения между сторонами и провоцировало все более сильное правительственное давление на школы. Сторонники воскресного образования из числа чиновников хотели видеть в нем институцию консервативно-патриархального толка — проще говоря, удобное средство пропаганды существующего строя. Этой точки зрения придерживался и, в частности, К. Д. Ушинский, редактор официального «Журнала Министерства народного просвещения», убежденный сторонник воскресных школ. Ушинский разделяет веру многих просвещенных русских консерваторов в то, что улучшение жизненных условий бедноты и защита ее от чрезмерной эксплуатации может спасти Россию от классовой борьбы европейского образца:

«Другое важное нравственное значение воскресных школ состоит в сближении образованных людей с людьми рабочего класса. Между этими двумя классами повсюду существует какой-то антагонизм, и люди рабочего класса всегда с недоверием, не лишенным некоторой злобы, и с завистью смотрят на высшие сословия. Это и неудивительно, если оба эти слоя народа встречаются между собою только в безжалостных, экономических отношениях; если между ними не разменивается ни одно откровенное, задушевное слово, ни одна общечеловеческая, примиряющая мысль. В школе <...> [р]емесленник <...> узнает, что господин во фраке также трудится и трудится может быть не меньше его самого, только над другим делом. Здесь он невольно признает духовное преимущество образованного человека и понимает, почему он стоит выше его. Искренние, дружеские отношения между учителем и учеником в школе — лучшее противудие тех экономических отношений, которые приводили в западной Европе к таким грустным явлениям; и если с этой точки зрения мы взглянем на значение воскресных школ, то нет сомнения, что будем смотреть на их быстрое возникновение с такою же радостью, с какою смотрим на учреждение в селах обществ трезвости. Да, трезвый и просвещенный религиею и образованием рассудок народа — лучшее ручательство за благоденствие государства, его спокойствие, силу и богатство»¹⁹.

¹⁹ ЖМНП. Т. СІХ. 1861. № 1. Отд. I. С. 66–67. Интересную параллель к словам Ушинского составляет рассуждение Пирогова о том, что в западных провинциях воскресные школы служат противовесом польскому сепаратизму (см. *Пирогов Н. И.* Указ. соч. С. 395, 396).

Итак, по мнению Ушинского, воскресные школы способны были развеять социальное недовольство рабочего класса. Когда в 1862 г. наконец открылись случаи революционной агитации в школах, их противники не упустили случая поставить на вид Министерству просвещения его неоправданный оптимизм и дискредитировать это ведомство в глазах императора.

Исходя из консервативного взгляда на образование низших слоев, министерство не только надзидало за воскресными школами, но и стремилось ограничить их учебную программу начальными навыками чтения, письма, счета и закона божия. Кроме того, было выпущено несколько директив, по крайней мере, на бумаге ограничивавших свободу преподавания в такого рода заведениях.

4 мая 1860 г. Министерство просвещения вместе с Министерством внутренних дел приказало своим представителям на местах надзирать за тем, чтобы учителя воскресных школ не выходили за предписанные им рамки²⁰. 23 декабря последовал более подробный циркуляр. Поводом для него послужили сообщения о том, что в одной из московских школ преподают французский и немецкий языки, а в Киеве даже учат истории. По поводу последнего случая Пирогов сообщал, что дело сводилось к использованию отрывков из исторических сочинений на уроках чтения²¹. Как бы то ни было, знание истории и иностранных языков не вписывалось в представления правительства о просвещенном рабочем.

В воскресных школах не позволялось использовать пособия, не одобренные министерством. Кроме того, в определенный момент правительство ужесточило требования к учредителям школ и распорядилось отстранять от преподавания учителей, чьи высказывания не соответствовали «религиозным истинам, государственному управлению и правилам нравственности». В январе 1861 г. правительство велело священникам надзирать за деятельностью школ. Митрополиту Петербургскому Исидору предписывалось к каждой школе приставить священнослужителя для преподавания закона божия и охранения «истин православной веры»²².

²⁰ См.: Энциклопедический словарь. С. 256. Даже просвещенный Пирогов настаивал на ограничении учебной программы воскресных школ (см.: *Пирогов Н. И.* Указ. соч. С. 399-400).

²¹ *Пирогов Н. И.* Указ. соч. С. 396.

²² Полный текст циркуляра см.: Колокол. 1861. № 95. 1 апреля. С. 800-801. Январские распоряжения см. в изд.: Энциклопедический словарь. С. 256-257. Необходимо подчеркнуть тот факт, что, в отличие от одноименных заведений на Западе, русские воскресные школы имели безусловно светский характер.

В то время как Министерство просвещения стремилось при помощи этих мер преобразить воскресные школы в патриархально-монархические учреждения, Третье отделение считало необходимым вести более решительную борьбу против них. В записке на имя императора от 18 декабря 1860 г. глава царского сыскного ведомства кн. В. А. Долгоруков изложил проект фактического уничтожения воскресных школ в их негосударственной форме. Хотя в начале записки Долгоруков формально признает пользу такого рода заведений, в дальнейшем он изъясняет опасность существования их под управлением частных лиц «среднего слоя», якобы связанных с неким «невидимым» обществом:

«Правительство не может допустить, чтобы половина народонаселения была обязана своим образованием не государству, а себе или частной благотворительности какого-либо отдельного сословия. Средний слой общества и рассчитывающие на силу оно невидимые двигатели стали произвольно во главе сего важного дела. Безвозмездное преподавание упрочит за ними на твердом основании доверие и благодарность народных масс, коим они благодетельствуют <...>».²³

Опасаясь укрепления антиправительственных настроений в случае прямого запрещения воскресных школ, Долгоруков предлагает более осторожный план передачи управления школами из рук общественности (т. е. разночинной интеллигенции) дворянскому сословию и постепенного превращения их в государственные учреждения. Государство должно было «дать вид» поддержки воскресных школ и в то же время ожидать гибели неофициальных школ из-за безденежья и разочарования энтузиастов. Фактически план Долгорукова предполагал возвращение единственного негосударственного участка в российском образовании к административным принципам эпохи Николая I. Для Долгорукова это был действительно вопрос принципа — его записка писалась задолго до появления первых свидетельств о революционной пропаганде в воскресных школах.

В Министерстве просвещения, напротив, никогда не считали необходимым предоставить управление школами исключительно дворянам или вообще изъять школы из частных рук. Более того, такое преобразование противоречило бы принятому в этом ведомстве (и изложенному К. Д. Ушинским) взгляду на предназначение воскресных школ,

²³ Цит. по: Лемке М. К. Указ. соч. С. 403. Лемке полностью приводит записку Долгорукова.

которые призваны были смягчать конфликтные социальные отношения двух классов — рабочих и их нанимателей.

Различие во мнениях о судьбе воскресных школ привело к открытому столкновению Третьего отделения и Министерства просвещения. 1 января 1861 г. министр просвещения Е. П. Ковалевский представил Совету министров доклад, опровергавший выводы записки Долгорукова. Ковалевский не видел никакой необходимости менять существующий статус воскресных школ и усиливать правительственный контроль за ними. Усмотрев в действиях Долгорукова выпад против своего ведомства, Ковалевский указывал на полную бездоказательность его подозрений относительно сотрудников воскресных школ. (Необходимые доказательства Долгоруков смог найти только весной 1862 г., хотя и раньше он не преминул бы использовать любой повод.) Император, присутствовавший на этом заседании Совета министров, по всей видимости, встал на сторону Ковалевского; единственным следствием этой дискуссии стало распоряжение о церковном надзоре за школами²⁴.

Так обстояло дело до того момента, когда стало известно о случаях революционной пропаганды в школах. Атмосфера, создавшаяся в стране после петербургских пожаров, дала возможность Долгорукову и другим противникам школ убедить царя в необходимости запретить их деятельность.

Этому предшествовали арест и ссылка Павлова. В марте 1862 г. Павлов, пользовавшийся серьезным авторитетом в среде петербургской прогрессивной интеллигенции, получил приглашение прочесть речь на частном вечере, дававшемся в честь тысячелетия российского государства. Слушать Павлова собралось множество людей, среди них, например, Н. Г. Чернышевский²⁵. По-видимому, из-за этой речи Павлов был вскоре арестован и без всякого обвинения выслан в Ветлугу.

К сожалению, текст выступления Павлова не сохранился. Однако М. К. Лемке опубликовал текст, поданный Павловым в цензуру. Самые резкие выражения относятся там к прошлому России, когда только немногие наслаждались свободой, а бесправное большинство влачило мучительное существование. Далее Павлов хвалит правительство, принявшее необходимые реформы и освободившее крестьян. Напоследок говорится о том, что только объединение интересов высших и низших классов может спасти Россию²⁶. Выступление Павлова пересказывает в своих воспоминаниях один из слушателей — Л. Ф. Пантелеев, в

²⁴ Лемке М. К. Указ. соч. С. 406–407.

²⁵ Там же. С. 10.

²⁶ См.: Там же. С. 1–12.

ту пору радикально настроенный петербургский студент и знакомец Павлова. Его изложение не имеет существенных отличий от цензурного варианта речи. Через несколько дней после этого вечера Пантелеев вместе с еще одним студентом навестил Павлова и нашел его совершенно спокойным. Павлов заверил их, что опасность ему не угрожает, поскольку его выступление не содержало никаких антиправительственных высказываний²⁷. В тот же день Павлова арестовали.

Пантелеев рассказывает, что Павлов часто повторял свое кредо: «La révolution par l'école [революция через школу]». Согласно Пантелееву, под «революцией» Павлов подразумевал не вооруженный переворот, а преобразование «полуазиатского» русского общества в результате постепенного просвещения рабочих масс²⁸. После крымского поражения аналогичные настроения бытовали и в официальных кругах, среди тех, кто хотел видеть Россию сильной соперницей развитых западных держав. Речь Павлова, следовательно, не могла сама по себе послужить причиной для столь строгого наказания. Арест Павлова, скорее, надо рассматривать в связи с чередой жестких мер, предпринимавшихся правительством в это время; среди таких мер можно назвать запрет воскресных школ в июне и арест Чернышевского в июле 1862 г.²⁹ Правительство искало повод искоренить перспективное, как казалось, общественное начинание. Появление радикального революционного памфлета «Молодая Россия» и петербургские пожары (оба события — май 1862 г.) предоставляли удобную возможность осуществить это намерение, не вызывая общественного протеста.

Некоторые материалы из архива Третьего отделения позволяют связать арест Павлова с запрещением воскресных школ. В августе 1862 г. тайный советник С. Р. Жданов, глава комиссии, которая расследовала деятельность школ и вынесла решение о необходимости их уничтожения, сообщал министру внутренних дел (своему прямому начальнику), что в Петербурге школы возникли благодаря Павлову³⁰. Согласно версии Жданова (ее разделяли многие другие официальные лица), Павлов учредил воскресные школы в интересах тайных обществ для распространения соблазнительных идей. (Надо сказать, что некоторые советские

²⁷ См.: *Пантелеев А. Ф.* Из воспоминаний прошлого. М.; Л., 1934. С. 160-161.

²⁸ Там же. С. 28; *Лемке М. К.* Указ. соч. С. 9.

²⁹ Н. Г. Чернышевский выступал на том же вечере, что и Павлов, но осторожнее подбирая выражения. Некоторые его слушатели из числа студентов были разочарованы его речью, но вскоре поняли, что эта осторожность спасла Чернышевского от ареста и ссылки. См.: *Николадзе Н.* Воспоминания о шестидесятих годах // Каторга и ссылка. 1927. № 5 (34). С. 33-34.

³⁰ См.: ГАРФ. Фонд Третьего отделения, эксп. 1-я, д. 263. Л. 37-38.

историки, стремясь подтвердить слова В. И. Ленина о существовании «революционной ситуации» в эти годы, без должного анализа заимствовали конспирологическую теорию Жданова. Реакционные деятели 1860-х гг. и советские исследователи новейшего времени из разных побуждений склонны были преувеличивать могущество и значение тайных революционных движений.) Факты, однако, позволяют заключить, что лично Павлов и вообще воскресные школы представляли намного меньшую угрозу для государственного строя России, чем это принято утверждать.

13 июня 1862 г., через три месяца после ареста Павлова, деятельность всех воскресных школ в Российской империи (за исключением прибалтийских провинций) была запрещена. Поводом для запрета послужили якобы вскрывшиеся случаи пропаганды революционных идей в некоторых школах. Министр внутренних дел П. А. Валуев в докладе от 11 сентября 1862 г. сообщал, как были получены эти сведения³¹. В мае этого года некий фабрикант известил ведомство Валуева, что двое рабочих, посещавших сначала Самсоньевскую воскресную школу Выборгской стороны, а затем Введенскую воскресную школу Петербургской стороны, высказывались неблагонадежным образом во время петербургских пожаров. Некоторые рабочие доносили, что в воскресных школах им внушали социалистические идеи и настраивали против церкви. По словам Валуева, следствием этих доносов был арест двух рабочих и начало официального расследования деятельности школ³².

В анонимном меморандуме, находящемся среди бумаг Третьего отделения, названы имена арестованных рабочих — Михаила Федорова и Василия Трифонова. Если верить этому документу, они открыто призывали к смене государственного строя, освобождению Польши и поджогу Петербурга³³. Исходя из этого, Третье отделение усмотрело связь между петербургскими пожарами мая 1862 г., серьезно напугавшими умеренную часть русского общества, и якобы имевшей место пропагандой революционных воззрений в воскресных школах. Надо сказать, что в ходе позднейшего официального расследования эта конспирологическая версия не была полностью подтверждена.

³¹ См.: ГАРФ. Фонд Третьего отделения, эксп. 1-я, д. 263. Л. 91-111. Отчет П. А. Валуева перепечатан в кн.: Рабочее движение в России. Сборник документов и материалов. Т. II. Ч. 1. М., 1950. С. 590-596 (далее — Рабочее движение). В дальнейшем цитаты по этому изд.

³² См.: Рабочее движение. С. 592.

³³ См.: ГАРФ. Фонд Третьего отделения, эксп. 1-я, д. 263. Л. 8.

Имея на руках только обвинения против Трифонова с Федоровым и донос еще одного рабочего о том, что ему старались внушить крамольные взгляды («Бога нет <...> Государи вообще и наша императорская фамилия в особенности бесполезны <...> Собственность должна быть общая»), Валуев, однако, настаивал на полном запрете всех воскресных школ. В записке на имя главы Третьего отделения министр, признавая скудость собранных его ведомством компрометирующих сведений о воскресных школах, тем не менее предлагал немедленно закрыть Самсоньевскую школу, начать расследование деятельности заведений такого рода и одновременно закрыть все школы в империи³⁴. Как видно, Валуев только использовал подходящий повод для уничтожения неугодного ему образовательного института и не собирался дожидаться результатов предполагаемого расследования. Немаловажен и тот факт, что лишь незадолго до того он сменил на министерском посту сторонника воскресных школ С. С. Ланского.

2 июня Валуев извещал Третье отделение, что император принял его план, велел закрыть Самсоньевскую и Введенскую школы и назначил следственную комиссию из чиновников Министерства внутренних дел, Министерства просвещения и других ведомств. Ожидалось, что работа комиссии приведет к «коренному преобразованию воскресных школ»³⁵ (фактически дело кончилось полным их запретом на многие годы). По результатам расследования Жданов доносил Валуеву о важном политическом значении революционной пропаганды в петербургских школах³⁶. Советские историки придерживаются сходной точки зрения³⁷.

Чтобы дать взвешенную оценку такого рода заключениям, необходимо оценить действительный масштаб пропагандистской деятельности сотрудников воскресных школ. Каково же было общее число учителей и рабочих, допрошенных следственной комиссией? Сколько школ и заводов были затронуты заговором? Сколько случаев распространения крамолы учителями или учениками воскресных школ смогло выявить следствие?

По подсчетам Таубина, в воскресных школах Петербурга в 1860–1862 г. преподавало 450 человек³⁸. Из них в пропаганде революционных

³⁴ См.: Рабочее движение. С. 586. Французский оригинал см.: ГАРФ. Фонд Третьего отделения, эксп. 1-я, д. 263. Л. 10–11. Русский перевод см. на Л. 12.

³⁵ Рабочее движение. С. 587; ГАРФ. Фонд Третьего отделения, эксп. 1-я, д. 263. Л. 19.

³⁶ См.: Там же. Д. 263. Л. 34. Полный текст доклада, датированного 29 августа 1862 г., находится на Л. 34–45.

³⁷ См.: Таубин Р. А. Указ. соч. С. 84. Пичкуренко Я. Д. Указ. соч. С. 108.

³⁸ Таубин Р. А. Указ. соч. С. 84.

идей были уличены только трое: Василий Хохряков (22 лет), Петр Беневоленский (19) и Константин Крапивин (20). При всей серьезности выдвигавшихся обвинений лишь одному из них Сенат вынес суровый приговор — Хохряков был осужден на девять лет каторги (царь заменил их пятью) и вечное поселение в Сибири. Беневоленский, заслуживший снисхождение благодаря юному возрасту и чистосердечному признанию, был приговорен к поселению в Сибири, а Крапивин объявлен безумцем и заключен в лечебницу, где скончался в 1864 г.³⁹ Кроме того, следственная комиссия предъявила сходные обвинения еще двум юношам. Яков Ушаков, двадцатидвухлетний лейтенант, состоявший при военном училище, был приговорен военным трибуналом к четырем годам каторги за распространение «соблазнительных идей» среди учеников воскресных школ, хотя сам он не принадлежал к числу учителей. Бывший студент Варгасов, по свидетельству шестерых рабочих порочивший царя на уроках в воскресной школе, отрицал свою вину, но был сослан без суда и помещен под полицейский надзор⁴⁰. Кажется, другим учителям обвинения в революционной пропаганде не предъявлялись⁴¹.

Согласно подсчетам Таубина, петербургские школы посещало около 5000 учеников⁴², однако в результате расследования перед судом предстали только пятеро: мещанин Михаил Митрофанов (21) и крестьяне Михаил Федоров (17), Василий Трифонов (18), Егор Коченков (23) и Иван Антонов (21). (Еще один крестьянин, Карп Андреев, умер в тюрьме, не дожив до суда.) Все они были рабочими. Всех пятерых суд признал виновными, но только троих — в хранении и распространении незаконной литературы; вина остальных ограничилась недонесением о случаях чтения вслух революционных прокламаций⁴³. Что до наказаний, то Митрофанова, чья вина была самой тяжелой, приговорили к трем неделям заключения и трем годам полицейского надзора. Федорову, Трифонову и Коченкову суд назначил по пятнадцати ударов розгами и по году надзора, а Антонова отпустили со строгим выговором⁴⁴. Эти приговоры плохо сочетаются с версией об участии рабочих в

³⁹ Лемке М. К. Указ. соч. С. 434–438. См. также: Пять лет каторги // Колокол. 1863. № 161. 15 апреля. С. 1331.

⁴⁰ См. годовой отчет Третьего отделения за 1862 г.: ГАРФ. Фонд Третьего отделения. Оп. 85. Д. 27. Л. 9–10.

⁴¹ В докладе от 28 августа Жданов объяснял это тем, что сообщения прессы о грядущем расследовании якобы позволили заговорщикам вовремя замести следы. См.: ГАРФ. Фонд Третьего отделения, эксп. 1-я, д. 263. Л. 72.

⁴² Таубин Р. А. Указ. соч. С. 85.

⁴³ Колокол. 1863. № 161. 15 апреля. С. 1331.

⁴⁴ Там же. Ср.: Лемке М. К. Указ. соч. С. 435–436.

масштабном революционном заговоре. Никакие другие ученики воскресных школ Петербурга не обвинялись в антиправительственной деятельности⁴⁵.

Согласно докладу Жданова от 28 августа, в 1862 г. в Петербурге существовало 28 воскресных школ⁴⁶. Доказанные случаи революционной агитации имели место только в двух школах (Самсоньевской и Введенской); еще в одной школе Варгасов в оскорбительных выражениях отзывался об особе императора. Остальные 25 столичных школ никоим образом не были причастны к «широкому заговору», формально послужившему причиной для запрета всех учреждений такого рода в Российской империи. Сам Жданов признавал полное отсутствие улик на сотрудников других школ; он, однако, видел в этом следствие хорошо поставленной конспирации⁴⁷. Придерживаясь той же логики, Валуев считал возможным утверждать, что, если в школах Петербурга, Харькова и Киева велась революционная пропаганда, то, следовательно, то же самое происходило во всех остальных частях империи. Валуева не смущали даже заключения губернаторов, не обнаруживших в подведомственных им школах никаких следов незаконной деятельности⁴⁸.

В 1862 г. 374 петербургских предприятия официально причислялись к «фабрикам и заводам»⁴⁹. Из них в поле зрения следственной комиссии попало лишь три — хлопковая фабрика Меняева, где были найдены первые следы «заговора», ткацкая фабрика Шау, на которой работал Федоров, и фабрика Тюлевого товарищества, где работал Трифонов⁵⁰. Жданов и его подчиненные лично посетили фабрику Меняева, ткацкую фабрику Торшилова и ситцепечатную фабрику Гука (какое отношение последние два предприятия имели к расследовавшемуся делу, остается неясным). Во время этих визитов допросу подверглись общим счетом четыреста рабочих. Из тех, кто признался в посещении воскресных школ, никто не дал обвинительных показаний против своих учителей. В Самсоньевской школе следствие обнаружило 30 экземпляров брошюры о пользе рабочих союзов. Однако только два экземпляра были

⁴⁵ Считалось, что в это время в Петербурге было приблизительно 21 830 промышленных рабочих. См.: Статистические сведения о фабриках и заводах в С.-Петербурге за 1862 год. Вып. 1. СПб., 1863. С. 56.

⁴⁶ См.: ГАРФ. Фонд Третьего отделения, эксп. 1-я, д. 263. Л. 57.

⁴⁷ Там же. Л. 72.

⁴⁸ См.: Рабочее движение. С. 593–594. Выводы Валуева основывались непосредственно на докладе Жданова (см.: ГАРФ. Фонд Третьего отделения, эксп. 1-я, д. 263. Л. 73–74).

⁴⁹ См.: Статистические сведения о фабриках и заводах в С.-Петербурге за 1862 год. С. 40.

⁵⁰ Лемке М. К. Указ. соч. С. 408, 410.

разрезаны; более того, следствие пришло к выводу, что учителя не стремились с помощью этого издания возбудить недовольство рабочих против работодателей. Сами хозяева фабрик заверили Жданова, что бунтарских настроений среди рабочих нет⁵¹.

Столь малое число учителей, рабочих, фабрик и школ, причастных к расследовавшемуся комиссией Жданова «заговору», указывает на степень, в какой были преувеличены широковещательные заявления о подрывной пропагандистской деятельности в воскресных школах.

Попробуем восстановить то, что имело место в действительности, на основании показаний, собранных комиссией⁵².

Весной 1862 г., незадолго до Пасхи, студент-медик Хохряков, преподававший в Самсоньевской школе, вслух прочел своим ученикам революционную брошюру «Что надо делать войску». На допросах слушатели Хохрякова вспомнили только три случая, когда тот читал им антиправительственную литературу и высказывался за освобождение Польши. Никаких иных случаев революционной агитации в Самсоньевской или любой другой воскресной школе следствие не установило. Хохряков, по всей видимости, действовал на свой страх и риск; при появлении других учителей он спешно прятал запрещенную литературу между страницами официального учебника.

В эти же месяцы Хохряков познакомился с лейтенантом Ушаковым. Таким образом, двое главных участников раскрытого ждановской комиссией «заговора» до начала расследования были едва знакомы. Ушаков тогда частным образом обучал рабочих у себя на дому и несколько раз давал им революционные издания, в том числе появившуюся незадолго до того прокламацию «Молодая Россия». Кроме того, Ушаков знакомил своих учеников с радикально настроенными представителями образованной молодежи, хотя, кажется, никто из них не принадлежал к учителям воскресных школ.

Среди слушателей Ушакова был и Карп Андреев, учившийся у него в Самсоньевской школе и дополнительно посещавший его домашние уроки. От Хохрякова и Ушакова Андреев получал запрещенную литературу. Дома у Ушакова Андреев познакомился со студентом Крапивиным, одним из трех позднее арестованных учителей. (Учительская деятельность Крапивина свелась к трехдневному преподаванию в Самсоньевской школе.) Крапивин также сообщал Андрееву революционные издания. Андреев передал часть их рабочему Митрофанову, а

⁵¹ См. донесение Жданова Валуеву: *Лемке М. К.* Указ. соч. С. 428.

⁵² Основным источником для нас послужили показания учителей и рабочих. Их тексты см.: Там же. С. 408–421, 426–432.

тот, в свою очередь, своему товарищу Федорову. Этот Федоров к тому времени уже успел прослушать антиправительственную прокламацию на квартире Беневоленского, учителя Введенской школы. Свидетельств о связи Беневоленского с другими радикально настроенными учителями нет.

Получив от Митрофанова прокламацию «Что надо делать войску», Федоров принес ее на фабрику Меняева и прочел вслух в своей артели, добавив от себя несколько критических замечаний по адресу правительства. Двое слушателей Федорова донесли об этом самому Меняеву, который незамедлительно известил Министерство внутренних дел. Взятые под стражу Федоров и Митрофанов показали на своих учителей. В результате начавшегося расследования 13 июня 1862 г. все воскресные школы в России (числом более 300) были закрыты.

Государственный запрет не был, однако, единственной причиной скоропостижной гибели воскресных школ. Не стоит преувеличивать степень общественного сочувствия этому начинанию. Уже в 1860 г. школы начали испытывать серьезные внутренние затруднения; объяснить их помогает внимательный взгляд на отношение различных социальных групп к исследуемой нами образовательной институции.

Первое падение общественного интереса к воскресным школам Я. В. Абрамов связывает с распоряжениями Министерства просвещения от мая 1860 г.⁵³ Как мы увидим, однако, с самого начала идея воскресных школ далеко не у всех встречала единодушное одобрение. Через несколько месяцев после появления первых школ, в мае 1860 г., официальный «Журнал Министерства народного просвещения» сообщал читателям, что за пределами Киева распространение школ наталкивается на некоторые препятствия⁵⁴. Даже в Киеве общественность не спешила оказывать школам необходимую им денежную поддержку. В определенных социальных группах это начинание вызывало лишь подозрительность и недоверие⁵⁵.

Какие же это были группы? Как оказывается, самое мощное сопротивление исходило от тех ремесленников, купцов, лавочников и мелких фабрикантов, чьи служащие посещали или хотели посещать школы. Некоторые из них опасались, что образование повысит квалификацию рабочих и сделает их менее управляемыми. Уже в октябре 1859 г., вскоре после открытия в Киеве одной из первых воскресных школ, известный педагогический журнал рассказывал о мерах, принятых

⁵³ Абрамов Я. В. Указ. соч. С. 51-52.

⁵⁴ См.: ЖМНП. 1860. Т. CV. № 3. Отд. VII. С. 167-168.

⁵⁵ Абрамов Я. В. Указ. соч. С. 16-17.

некоторыми местными купцами и мещанами для того, чтобы их работники не посещали школ. Эти меры довольно быстро привели к существенному снижению числа учащихся⁵⁶. Вместе с тем несколько киевских купцов (среди них люди с образованием) с момента основания воскресных школ финансировали их деятельность⁵⁷.

Попытки не допустить работников в школы предпринимались и в Петербурге осенью 1860 г. Хозяева малых мастерских давали своим рабочим задания на воскресные дни и обязывали их приносить из школы письменные справки об их времяпрепровождении. Когда в итоге количество слушателей стало заметно уменьшаться, администрация некоторых школ пошла на ответные шаги. Она настаивала на том, что школы одобрены правительством и не обязаны отчитываться перед работодателями⁵⁸. Зависимость от правительства, как видно, иногда помогала учредителям школ преодолевать сопротивление консервативно настроенных социальных слоев. Более того, в нескольких случаях местные власти решительно вставали на защиту воскресных школ. Так, в январе 1861 г. московская полиция от имени администрации учебного округа настоятельно рекомендовала владельцам фабрик, мастерских и лавок не препятствовать работникам в посещении школ⁵⁹. Один из губернаторов обязал хозяев мастерских посылать рабочих в школы; однако это распоряжение не устроило министра внутренних дел, и он запретил губернаторам отдавать такого рода распоряжения⁶⁰.

Опасения мелких собственников относительно воскресных школ не привились в среде более состоятельных предпринимателей. Напротив, владельцы крупных механизированных производств зачастую оказывали школам значительную поддержку. Особенно четко эта тенденция проявилась в Москве и Петербурге — главных промышленных центрах России. Летом 1860 г. Тимофей Прохоров, крупнейший московский фабрикант, открыл воскресную школу на территории одного из своих заводов⁶¹. К следующей весне при восьми предприятиях в Москве и под Москвой существовали воскресные школы, и еще при трех — школы, работавшие в будние дни⁶².

⁵⁶ Народное чтение. 1860. Кн. 3. С. 178.

⁵⁷ Народное чтение. 1860. Кн. 4. С. 179.

⁵⁸ См.: ЖМНП. 1860. Т. CVII. № 8. Отд. IV. С. 47, 52.

⁵⁹ См.: Ведомости московской городской полиции. 1869. № 19; Московские ведомости. 1861. 31 января. С. 196. Стб. 1.

⁶⁰ Народное чтение. 1860. Кн. 6. С. 193.

⁶¹ См.: ЖМНП. 1860. Т. CVIII. № 11. Отд. IV. С. 70; Московские ведомости. 1861. 31 марта. С. 565. Стб. 1.

⁶² См.: Московские ведомости. 1861. 31 марта. С. 565. Стб. 1.

В Петербурге промышленники Варгунины больше других способствовали распространению школ вдоль Шлиссельбургского тракта, в главном рабочем пригороде столицы. Другие фабриканты из этой части города также помогали воскресным школам⁶³. На Выборгской стороне промышленники, вроде Гука — хозяина большой фабрики, финансировали деятельность Самсоньевской школы (позже фигурировавшей в материалах официального расследования). Эти предприниматели, естественно, поощряли тягу к образованию у собственных рабочих⁶⁴.

Приведенные факты заставляют пересмотреть историографическую легенду о всеобщей непросвещенности русских фабрикантов. Они могли видеть свой интерес в организации школ для рабочих. Показательна статья В. Иванова в журнале «Промышленность», пропагандировавшем развитие технического производства в России. Чрезвычайную необразованность русских рабочих Иванов считает одной из главных причин общей отсталости русской промышленности по сравнению с другими европейскими странами. В организации воскресных школ автор статьи усматривает путь к преодолению этой отсталости; в качестве образца для подражания он указывает на некоторые аналогичные образовательные учреждения в Финляндии. В конце статьи Иванов хвалит тех петербургских промышленников, которые, будучи заинтересованы в увеличении отечественного производства, поддерживают воскресные школы⁶⁵.

Дворянство, остававшееся, безусловно, главенствующим социальным слоем России, не испытывало к воскресным школам сколько-нибудь заметного сочувствия. Если верить Пирогову, некоторые дворяне старались помешать своим слугам посещать воскресные школы⁶⁶. В «благородном сословии» находились, правда, деятельные сторонники воскресных школ. Мы упоминали уже петербургскую дворянку Шпилевскую, дававшую у себя дома уроки неимущим женщинам. Примеру Шпилевской последовали еще несколько благородных дам⁶⁷. Такого рода случаи, однако, были немногочисленны и разрозненны. В числе тех, кто каким-либо образом принимал участие в воскресных школах, в основном упоминаются (помимо богатых промышленников)

⁶³ *Абрамов Я. В.* Указ. соч. С. 100–102; ЖМНП. 1860. Т. CVIII. № 12. Отд. IV. С. 129; ЖМНП. 1861. Т. CIX. № 1. Отд. IV. С. 2.

⁶⁴ См.: Русское слово. 1860. № 11. С. 15–16; ЖМНП. 1860. Т. CVII. № 9. Отд. IV. С. 87.

⁶⁵ *Иванов В.* О финляндских школах для образования ремесленного класса // Промышленность. 1861. № 16. С. 355–356.

⁶⁶ *Пирогов Н. И.* Указ. соч. С. 395.

⁶⁷ *Абрамов Я. В.* Указ. соч. С. 24.

книготорговцы, жертвовавшие школам учебники, актеры, устраивавшие выступления в их пользу⁶⁸, и, конечно же, студенты-учителя, отдававшие школам свое время и свои знания. Неудивительно, что воскресным школам постоянно не хватало денег; с начала 1861 г. дела в этом отношении шли все хуже и хуже.

Среди учителей воскресных школ встречались студенты дворянского происхождения. Однако они участвовали в школах в качестве именно студентов, а не представителей дворянского сословия, — и в роли учителей ничем не отличались от студентов-разночинцев. Напомним, что, по мнению Долгорукова, школы находились в руках «среднего сословия».

Именно студенты (вместе с молодыми офицерами и чиновниками) преобладали среди учителей, а зачастую и учредителей воскресных школ. От их знаний и энтузиазма зависел успех всего начинания. В 1860 г. энтузиазм бил через край. Самоотверженное рвение и простодушный оптимизм, с которым образованные молодые люди принялись просвещать отсталые массы, предвосхищали «хождение в народ» 1870-х гг. В конце 1860 г. К. Д. Ушинский, редактор «Журнала Министерства народного просвещения», лично посетил две столичные воскресные школы. Он с удовольствием отметил в учителях «сильное и чистосердечное старание быть полезным ученикам»⁶⁹. В Москве, как и в Киеве, сотрудниками воскресных школ были главным образом студенты; в Полтаве школы открывались даже гимназистами. Многие из этих людей исповедовали эгалитаристские идеи, требовали уважения к низшим слоям общества и стремились установить доверительные отношения со своими учениками⁷⁰. Желавших преподавать в воскресных школах появилось так много, что одна из петербургских школ вынуждена была принимать новых сотрудников только по рекомендации старых⁷¹.

К 1861 г., однако, воодушевление стало спадать. В сентябре 1861 г. «Современник» писал о серьезной нехватке учительских кадров в Москве и чуть менее острой — в Петербурге. Сходным образом дело обстоит и в провинции. В Одессе, где за год до того появление воскресных школ встретили с восторгом, они начали закрываться из-за недостатка в деньгах и сотрудниках⁷². Тогда же на смену первой волне энтузиастов начали приходить учителя иной формации, лишенные бескорыстного рвения и демократизма своих предшественников. Из-за этого, в свою

⁶⁸ См.: ЖМНП. 1860. Т. CVII. № 7. Отд. IV. С. 12.

⁶⁹ ЖМНП. 1861. Т. CIX. № 1. Отд. I. С. 64.

⁷⁰ См.: Народное чтение. 1860. Кн. 4. С. 183–185.

⁷¹ *Абрамов Я. В.* Указ. соч. С. 27–28.

⁷² Современник. 1861. Т. LXXXIX. № 9. С. 2.

очередь, у рабочих упал интерес к школам и число учеников заметно снизилось⁷³. Разочарование учителей первого поколения обычно объясняют систематическим государственным давлением на школы, начавшимся в конце 1860 г., после соответствующих циркуляров Министерства просвещения. «Современник» писал: «Нас прежде всего должно занимать, отчего молодежь стала чуждаться воскресных школ? На это может быть один ответ: неудовлетворительность направления воскресных школ принудила их оставить миссию народного учителя»⁷⁴. Автор статьи возлагает основную вину на «педагогов» (т. е. сотрудников министерства), которые ограничили учебную программу, отняли у учителей свободу действий и назначили священников надзирать за ними.

Эта точка зрения может быть оспорена. Действительно ли административное вторжение в деятельность школ было столь сильным, что самоотверженные учителя встали перед необходимостью бросить столь перспективное начинание? Есть основания полагать, что пресловутая слежка осуществлялась далеко не всегда. Во время расследования министр просвещения доносил императору, что церковному надзору фактически подверглись только две школы в Петербурге⁷⁵. Жданов констатировал отсутствие «бдительного и действительного надзора за действиями преподавателей»; по его словам, надзор за школами существовал «только на бумаге, в действительности его не было»⁷⁶. Жданов мог преувеличивать, но его выводы повторяет Валуев в своем докладе на высочайшее имя от 11 сентября 1862 г. Валуев доносил, что помимо официально разрешенных арифметики, счета и письма во многих школах рабочим преподавали историю, географию, естественные науки и, как минимум, в одном случае, начатки этнографии и политической экономии⁷⁷.

Как видно, министерские распоряжения исполнялись спустя рукава. Вместе с тем не ясно, почему относительно ненавязчивый официальный надзор должен был отвратить учителей-энтузиастов от их главной цели — борьбы с тотальной неграмотностью низших слоев. Воскресные школы были почти единственным институтом, позволявшим работать в этом направлении, а идея просвещения масс равно одобрялась сторонниками националистических, либеральных и радикально-

⁷³ См.: Слухи о воскресных школах // Русская речь и московский вестник. 1861. № 86. С. 534; Современник. 1861. Т. LXXXIX. № 9. С. 8.

⁷⁴ Современник. 1861. Т. LXXXIX. № 9. С. 8. Сходного взгляда придерживается и Абрамов. См.: Абрамов Я. В. Указ. соч. С. 55–56.

⁷⁵ Лемке М. К. Указ. соч. С. 75.

⁷⁶ Цит. по: Там же. С. 433.

⁷⁷ Рабочее движение. С. 591.

революционных взглядов. Вдобавок сами расхождения с официальными органами в вопросе об учебной программе носили несколько абстрактный характер — неграмотному рабочему бесполезно было преподавать политическую экономию. Мы можем, следовательно, утверждать, что поспешное и плохо объяснимое ренегатство многих молодых учителей при первых признаках государственного давления возлагает на них самих определенную долю ответственности за раннюю гибель воскресных школ.

Реакцию рабочего класса на появление воскресных школ измерить трудно, в частности из-за беспрецедентности этого начинания в русской истории. Известно, однако, что в первые месяцы деятельности школ общество с удивлением констатировало сильный интерес рабочих к учреждениям такого рода⁷⁸. Показателен случай Новостроенской школы в Киеве. В день открытия в октябре 1859 г. в школу пришло 34 ученика. Через несколько месяцев это число достигло 148. Большинство учеников составляли мастеровые и подмастерья из малороссиян. Как доносил директор школы, их желание учиться превысило все ожидания⁷⁹. Первая московская школа, открывшаяся в июне 1860 г., собрала 150 учеников; через несколько недель в четырех школах старой столицы насчитывалось 267 слушателей⁸⁰. Так продолжалось некоторое время. «Журнал Министерства народного просвещения» весь 1860 г. удовлетворенно сообщал о приросте учеников в петербургских воскресных школах. Во Владимирской школе, например, насчитывалось 415 слушателей, а в школе за Шлиссельбургской заставой — рекордные 650⁸¹.

Иногда рабочим было мало школьной программы. Весной 1860 г. ученики Самсоньевской и Петербургской школ стали просить о занятиях по будним дням; в нескольких школах такие занятия начались⁸². В школе за Шлиссельбургской заставой рабочие, по-видимому, стремившиеся повысить квалификацию, попросили ввести в программу

⁷⁸ Тем не менее, лишен оснований тезис Г. Ионовой о том, что воскресные школы возникли по инициативе рабочих (см.: *Ионова Г.* Рабочее движение в России в годы революционной ситуации 1859–1861 гг. С. 378–380).

⁷⁹ См.: ЖМНП. 1860. Т. CVI. № 4. Отд. VI. С. 43–45 (сведения из «Киевского телеграфа»). То же самое происходило и в других киевских школах. См.: *Абрамов Я. В.* Указ. соч. С. 17.

⁸⁰ См.: Московские ведомости. 1860. 6 июля. С. 1160. Стлб. 1–2.

⁸¹ См.: ЖМНП. 1860. Т. CVII. № 7. Отд. IV. С. 7–8; Т. CVIII. № 10. Отд. VI. С. 15; Т. CVIII. № 12. Отд. IV. С. 124; 1861. Т. CIX. № 1. Отд. IV. С. 2. См. также: *Абрамов Я. В.* Указ. соч. С. 30.

⁸² *Абрамов Я. В.* Указ. соч. С. 35; *Стасов В. В.* Указ. соч. С. 183.

обучение ремеслам⁸³. Как можно предположить, в учебе слушатели воскресных школ проявляли значительное усердие. По прикидкам Пирогова, они обучались навыкам чтения и письма в среднем в два-три раза быстрее, чем ученики обыкновенных начальных школ. На Ушинского также произвел глубокое впечатление вид старательно занимающихся рабочих; по его словам, они шли на урок, «как будто в церковь». Он также нашел, что слушатели воскресных школ учатся лучше обычных школьников⁸⁴. Ушинский писал с восторгом: «С черными, мозолистыми руками, с испачканными лицами, с запахом и цветом, напоминающими ясно ремесло каждого, собрались сюда не шутку шутить, не из пустого любопытства, а собрались дело делать <...> это дело <...> кажется им не только делом полезным, серьезным, но каким-то святым, каким-то религиозным делом»⁸⁵.

Однако в 1861 г. рабочие, одновременно со своими учителями, начали терять интерес к воскресным школам. Очевидным это стало к осени, хотя некоторые симптомы наблюдались и раньше. Школу за Шлиссельбургской заставой весной посещало около 300 учеников, а летом всего 30–40. До некоторой степени это объясняется образом жизни городских рабочих — многие из них возвращались в деревню на время жатвы; тем не менее, в октябре слушателей набралось всего 150⁸⁶. В те же месяцы «Русская речь» сообщала о падении посещаемости в воскресных школах по всей стране, якобы вследствие равнодушия и высокомерия новых учителей⁸⁷. Автор статьи на эту тему в «Современнике» также связывает охлаждение рабочих к воскресным школам с разочарованием учителей⁸⁸. Такое объяснение предполагает тесную зависимость низших слоев от настроений привилегированных классов. Действительно, времени после освобождения крестьян прошло немного, и традиционная патерналистская модель социальных отношений сохраняла свою действенность. Несмотря на замечательное учебное рвение, проявленное рабочими в воскресных школах, они не готовы были еще играть самостоятельную и активную роль в одном из первых русских негосударственных общественных начинаний.

⁸³ ЖМНП. 1861. Т. СІХ. № 1. Отд. IV. С. 2.

⁸⁴ См.: Пирогов Н. И. Указ. соч. С. 396; ЖМНП. 1861. Т. СІХ. № 1. Отд. I. С. 59.

⁸⁵ ЖМНП. 1861. Т. СІХ. № 1. Отд. I. С. 63.

⁸⁶ См.: Русский инвалид. 1861. 10 октября. С. 909. Стлб. 2.

⁸⁷ См.: Русская речь и московский вестник. 1861. № 86. С. 534.

⁸⁸ См.: Современник. 1861. Т. LXXXIX. № 9. С. 2, 8.

Тем более не были они готовы к революционной пропаганде. Только несколько человек участвовали в распространении незаконных изданий, которые раздавал Хохряков и другие заговорщики. Именно рабочие, как мы видели, первыми донесли хозяину фабрики о неблагоприятных речах своего товарища. Хотя советские историки не хотят это признать, но факты показывают, что на допросах рабочие с готовностью изобличали своих учителей; следственное дело строилось, главным образом, на показаниях рабочих⁸⁹.

Правительство Александра II даже в самый либеральный период своей истории не смогло смириться с существованием институции, возникшей по общественной инициативе независимо от самодержавной власти. Даже краткий период мирного функционирования воскресных школ не был свободен от трудностей. Защитники школ в правительстве относились к ним с настороженностью и стремились придать им консервативно-патриархальное направление, чуждое большинству учителей и учредителей школ. В то же время противники воскресных школ с самого начала старались уничтожить их потому только, что считали такого рода негосударственные начинания несовместимыми с самодержавием. Единичные вскрывшиеся случаи незаконной политической агитации позволили уничтожить воскресные школы по всей империи и одновременно породили сохраняющийся до сих пор миф о масштабном революционном заговоре.

Русское общество также не было готово отстаивать свои интересы в борьбе с правительственным давлением. Когда спало первоначальное воодушевление (даже в период подъема охватывавшее довольно узкий сегмент общества), только единицы деятельно помогали школам. Образованная молодежь, самая независимая социальная группа, все еще не могла защитить свободные институции от государственного вторжения. Учреждение школ — в ту пору беспрецедентный для России акт — делает честь сотням русских молодых людей, однако сохранить свое детище им оказалось не под силу. Самодержавная власть не хотела допустить самостоятельности общества; русское общество не умело ее добиваться.

⁸⁹ Лемке М. К. Указ. соч. С. 408–416, 419, 421, 426, 431–432. Ионова придерживается противоположной точки зрения. Согласно ее утверждениям, рабочие — ученики воскресных школ — поголовно прониклись революционным духом, сохраняли верность своим учителям и на допросах ни разу никого не выдали. См.: Ионова Г. Воскресные школы в годы первой революционной ситуации (1859–1861). С. 207–208; Рабочее движение в России в годы революционной ситуации 1859–1861 гг. С. 476.

В завершение следует сказать несколько слов о судьбе воскресных школ в России в последующие годы. Вскоре после их запрещения Министерство просвещения запросило попечителя Петербургского учебного округа и теоретика образования В. Я. Стоюнина о его мнении относительно принятого решения и его результатов. Выступавший ранее за сохранение школ Стоюнин точно предсказал, что даже в случае отмены правительственного запрета возродить школы в ближайшем будущем не удастся; идея заговора, послужившая предлогом для их закрытия, была принята обществом на веру и уничтожила всякое доверие к школам и их сторонникам⁹⁰. Единодушное согласие с безосновательными обвинениями против сотен учителей хорошо показывает неготовность русского общества этих лет к эмансипации от государства.

Воскресные школы были вновь разрешены в 1864 г., на этот раз в рамках государственной системы начального образования. Однако всеобщее разочарование было столь сильным, что желающих учреждать новые школы практически не нашлось. Повторное одобрение школ в 1874 г. также почти не принесло результатов. За исключением нескольких не слишком плодотворных экспериментов и одной успешной школы в Харькове, воскресные школы находились в анабиозе до 1880-х гг. В 1890-х гг. быстрая индустриализация России сделала повышение культурного уровня рабочих насущной необходимостью. Только тогда воскресные школы пережили новый расцвет и сумели вызвать сочувствие в обществе.

⁹⁰ *Араньев Н. Ф.* В. Я. Стоюнин и воскресные школы // *Русская школа.* 1898. № 1. С. 190-192.